

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт гуманитарных исследований
Центр теории и истории культуры
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (IAS)
Отделение гуманитарных наук Русской секции
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Центр тезаурологических исследований

ТЕЗАУРУСНЫЙ АНАЛИЗ

МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сборник научных трудов

Выпуск 15

**Под общей редакцией
профессора Вл. А. Лукова**

**Москва
2008**

*Печатается по решению
Института гуманитарных исследований
Московского гуманитарного университета*

Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов.
Вып. 15 / Под общ. ред. Вл. А. Лукова. — М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2008. — 69 с.

В сборнике помещены работы, в которых представлены теоретические аспекты тезаурусного научного подхода и результаты его практического применения к различным областям гуманитарного знания (теория и история культуры, литературоведение, социология).

*Ответственный редактор
заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор Вл. А. Луков*

© Авторы статей, 2008.

© МосГУ, 2008.

ТРАКТОВКА ТЕЗАУРУСА В НАУКАХ О КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕ

Понятие тезауруса в социологии, культурологии, филологии, антропологии стало применяться недавно и со значением, которое не совпадает с теми, что закрепились в лингвистике и информатике. В науках о культуре и обществе оно маркирует ментальные структуры, придающие смысл обыденным действиям людей и их сообществ, но кроме этого предопределяющие самые различные отклонения от обыденности и оказывающие воздействие, возможно — решающее, на весь комплекс социальных структур, социальных и культурных институтов и социокультурных процессов. В этих новых для себя контекстах и значениях рассматриваемое понятие породило определенную теоретико-методологическую концепцию, став основой подхода, называемого нами тезаурусным. Этот подход оказался эвристичным для осмысления общества и человека в обществе. Но не следует забегать вперед: прежде важно увидеть, на решение каких теоретических задач направлен тезаурусный подход и где другие подходы, выдвигавшиеся ранее, справлялись с такого рода задачами в других ракурсах или с другими результатами.

В самом общем виде ведущая теоретическая проблема в науках о культуре и обществе состоит в выяснении того, как соединены общество и личность и как с личностного уровня перейти на уровень общественный, не нарушая логики обобщений. Первоначально это проблема встраивалась преимущественно в социально-философский контекст. Ее актуальность резко возросла в период десекуляризации западноевропейской науки в конце XVIII — начале XIX века. Известное расхождение между позитивистами Огюстом Контом и Гербертом Спенсером по вопросу о том, что есть общество, показывает, в чем парадоксальность теоретической ситуации. Конт рассматривал индивида в качестве абстракции, реальность же связывалась им с обществом: оно-то (через распространение идей) управляет мыслями и действиями человека. «Идеи правят миром и переворачивают его, весь его механизм в конечном счете основывается на мнениях»¹, — обобщал свои представления по теме «личность–общество» французский социальный философ и социолог.

У английского позитивиста Г. Спенсера — прямо противоположная теоретическая конструкция: общество — лишь агрегат индивидов, инди-

¹ Цит. по: Култыгин В. П. Классическая социология. М.: Наука, 2000. С. 34.

вид не должен быть поглощен социальным организмом. По Спенсеру, «корпоративная жизнь... должна подчиняться жизни отдельных частей, а не жизнь отдельных частей — корпоративной жизни»².

Этот принципиальный спор даже в пределах одного философского и научного направления, тем более в конкуренции научных парадигм, наблюдается и дальше вплоть до настоящего времени. Попытки разрешить спор путем сужения понятия «общество» вряд ли перспективны для данных целей. К ним можно отнести трактовку проблемы Дж. Хомансом в известном труде «Человеческая группа», где он прозорливо — имея в виду последующее развитие социологической теории — утверждал: сколько бы ни были крупными социальные организации, в которые включен человек, он всегда общается непосредственно с небольшим числом людей, его поведение определяется в рамках небольшой группы. На материале наблюдений за такими группами и возникают социологические абстракции «первого порядка»³. Это глубокое наблюдение, однако проблема «личность—общество» им не снимается. Она по-прежнему во многом определяет дистанцирование макро-социологии от микро-социологии, социологии, основанной на качественной стратегии исследования, от социологии, отдающей приоритет количественной стратегии. В рамках постмодернистского отрицания теоретических основ структурного функционализма и утверждения социальных теорий без центрального звена, без междисциплинарных границ и без ограничений на методологический коллаж дилемма «личность—общество» утратила значение камня преткновения, но как бы осталась нераскрытой тайной для будущего.

Между тем социальная философия, социология, культурология нашего времени фактически нашли пути решения означенной дилеммы. Конт, Спенсер и те, кто продолжил давний спор о соотношении личности и общества, сопоставляют эти две сущности *непосредственно*, отсюда это только теоретическая заявка, решаемая лишь в отдельных фрагментах, но в целом не реализуемая последовательно, а потому неубедительная. Очевидная дискретность составляющих пару понятий «личность—общество» ставит задачу не только констатировать наличие их связи как чисто логической формы, но указать, каким путем эта связь осуществляется, через какие механизмы. Открытие этих путей и механизмов следует признать важнейшими событиями в гуманитарных науках конца XX века: *идентификация* — и есть мост между личностью и обществом, а *социальное конструирование реальности* — способ, ка-

² Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские: Пер. с англ. Минск: Современный литератор, 1998. С. 277.

³ См.: Homans G. The Human Group. N. Y.: Harcourt Brace, 1950.

ким идентификация приобретает свое содержание. Таким образом, мода на эти два термина в современных гуманитарных науках лишь отражает то, что найден ключ к наиболее сложным теоретическим вопросам понимания происходящего как на уровне индивидуальных социальных и культурных практик, так и общества и культуры в целом.

Интерес к проблеме идентификации (во многих работах — к проблеме идентичности, что зависит от ракурса ее рассмотрения, на самом деле это одна и та же проблема) появился в социологии, антропологии, культурологии в 1950–1960-е годы. Этому способствовали публикации трудов американских ученых Эрика Эриксона и Ирвинга Гофмана. В конце XX века тематика идентичности стала особенно популярна, и сегодня идентичность — понятие, которое стало центральным для большинства исследований в мировой социологии, оно осваивается всем строем гуманитарного знания. Заимствованное из психологии и психоанализа, понятие идентичности сегодня преобразилось: особое внимание уделяется не только индивидуальной, но и коллективной идентичности, об идентичности речь идет в контексте феминистских теорий, теорий постмодернизма и глобалистики⁴. Соответственно, разрабатывается этот вопрос и в процессуальном плане, то есть рассматривается становление и трансформация идентичностей, что и представляет собой идентификация. Все больше значения придается идентичности в плане ее связи с многообразием стилей жизни. Для лучшей концептуализации идентичности продумываются проекты воссоединения различных теорий, получивших распространение в научном мире (например, идей рефлексивности Э. Гидденса и У. Бека и габитуса П. Бурдьё).

Теоретический поиск в этом направлении важен и для развития тезаурусного подхода.

⁴ См., например: Baumeister R. F. *Identity. Cultural Change and Struggle for Self*. N. Y., 1989; Chambers I. *Migrancy, Culture, Identity*. L.: Routledge, 1994; Cohen A. P. *Self Consiouness: An Alternative Anthropology of Identity*. L., 1994; David M. «Post-Materialism»? Values, Interests, and Identity. A paper for discussion. TEMPUS/DOSSA, Eliot College, University of Kent at Canterbury, CT2 7NS, 1996; Downes D., Rock P. *Understanding Deviance*. 2nd ed. Clarendon Press, 1995; Friedman J. *Cultural Identity and Global Process*. L.: Sage, 1995; Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Cambridge, 1992; Kowalowa A. *Problemy efektywności socjalizacji jednostki // Edukacja humanistyczna*. Szczecin, 2001. Nr.2. S. 17–20; Krause J., Renwick N. *Identities in International Relations*. St. Antony, 1996; Pilkington H. (ed.) *Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia*. L.: Routledge, 1996.

СТИЛИ ЖИЗНИ КАК УСТОЙЧИВО ВОСПРОИЗВОДИМЫЕ ОБРАЗЦЫ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Трактовка стиля жизни как совокупности устойчиво воспроизводимых образцов поведения, социальных и культурных практик, соотношенная с особенностями такой социальной группы как молодежь, порождает особые характеристики стиля жизни, которые не могут применяться к другим возрастным группам или по крайней мере нуждаются в комментариях, уточнениях.

Рассмотрение этого аспекта исследуемой темы в теоретико-методологическом ключе требует обращения к обобщающим исследованиям по молодежным проблемам, литературе, имеющей концептуальное значение.

Формирование теорий молодежи в начале XX века в основном строилось на выводах из социально-психологических исследований (Г. С. Холл, Ш. Бюлер, Э. Шпрангер и др.). Однако уже в этот период устанавливалась традиция многоаспектного анализа феномена молодежи в обществе, применения исследовательских методов различных наук и расширения предметной области. С самого начала теории молодежи выходили за пределы гуманитарных наук, авторы этих теорий нередко обращались к арсеналу биологии, медицинских наук. Таким образом, уже при зарождении теории молодежи «строятся на базе мультидисциплинарности»⁵.

В современных условиях стремление выявить сущностные черты молодежи реализуется чаще всего на междисциплинарной основе⁶.

⁵ Подробнее см.: Луков Вал. А. Теории молодежи: пути развития [Статья 1] // Знание. Понимание. Умение. 2007. №3. С. 70.

⁶ См.: Чупров В. И. Социальное развитие молодежи: Теоретические и прикладные проблемы. М.: Социум, 1994; Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999; Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001; Павловский В. В. Ювентология: Проект интегративной науки о молодежи. М.: Акад. проект, 2001; Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001; Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007.

Для социологии молодежи достаточно согласованной можно считать позицию, согласно которой молодежь обладает специфическим социальным статусом в обществе, не соответствующим в полной мере правовому статусу, исходящему из равенства граждан перед законом и равных возможностях людей в достижении их целей.

Это статусное расхождение предопределяет, с одной стороны, некоторое ущемление молодежи в ее стремлении к реализации социальной субъектности, в с другой, ее автономию в макро- и микросоциальных структурах, социальных институтах и специфические формы участия в социальных процессах (например, молодежное движение). Тем не менее, эта автономия очень относительна и, например, в области экономики или политики трудно устанавливается и легко может быть утрачена.

Зато в сфере культурной жизни возможности самореализации молодежи достаточно многообразны и менее подконтрольны обществу современного типа (в традиционном обществе это не так).

На наш взгляд, именно возможность культурной автономии молодежи в современном обществе, а также ее самореализации в формах культурной деятельности делают стили жизни молодежи достаточно заметным общественным и культурным явлением.

Причем мы учитываем не столько субкультурные феномены, хорошо различимые внешне. В молодежной среде как раз и следует провести некоторую грань между субкультурами и стилями жизни, что не характерно для литературы по молодежным субкультурам. Так, Т. Г. Исламшина, О.А. Максимова, А. Л., Салагаев и другие авторы определяют молодежные культуры через стиль жизни⁷.

Если в общем виде такую связь можно обнаружить (например, в отношении этнических субкультур⁸, делинкветных субкультур⁹, гендерных субкультур¹⁰), то в отношении молодежных субкультур подобное утверждение требует известной осторожности и, по крайней мере, уточнений, суть которых состоит в следующем.

Молодежные субкультуры не являются непременным спутником стилей жизни в молодости, они не выступают как некая характеристика

⁷ См.: Молодежные субкультуры / Т. Г. Исламшина, О. А. Максимова, А. Л. Салагаев и др. Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 1997.

⁸ См.: например: Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциол. очерки. М.: Наука, 2003; Кожановский А. Н. Быть испанцем...: Традиция. Самосознание. Историческая память. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006.

⁹ См., например: Левинтон Г. Насколько «первобытна» уголовная субкультура? // Сов. этнография. 1990. №2.

¹⁰ См., например: Мужской сборник. Вып. 3: Мужчина в экстремальной ситуации. СПб.: Индрик, 2007.

всей молодежи. Поэтому, в частности, методологически неточно обобщение «молодежная субкультура»¹¹: правильнее говорить о молодежных субкультурах, но понимая при этом, что ими охвачена не вся молодежь и даже не большинство молодежи, а лишь некоторая ее часть, преимущественно проживающая в мегаполисах.

Можно также утверждать, что молодежные субкультурные феномены обладают неукоренностью в базовой культуре, легко поддаются перенесению из одной социокультурной среды в другую, вовлекаются в межкультурные коммуникации. Такова история хиппи, панков, хип-хопа и других субкультур¹², проникавших по всему миру в немалой степени на основе механизмов подражания культурным формам, которые адаптировались в иной среде преимущественно молодежью именно потому, что тезаурусы некоторой ее части в ситуации ослабленного социального контроля не были закрыты для освоения чуждых для базовой культуры влияний.

Но стили жизни не могут быть отчленены от повседневности, формы которой задаются базовой культурой. Не случайно в литературе по стилям жизни, свойственным молодежи, достаточно редко их характеристика ведется чрез описание молодежных субкультур. Даже сам принцип выделения главного в этих жизненных стилях иной: например, характеризуется стиль потребительского поведения¹³ или рассматривается вопрос о стремлении молодежи через стиль жизни обеспечить себе независимость¹⁴.

Последнее обстоятельство особо интересно. П. Грелл, проводивший свое исследование на материале молодежных стилей жизни молодых канадцев с неустойчивым социальным положением, подчеркивает, что распространенность поиска независимого стиля жизни наиболее заметна в районах, где молодежи трудно найти подходящую работу, т. е. на периферии экономически развитых центров. Стилем жизни в этом случае избирается такая форма, которую сама молодежь называет «ма-

¹¹ См.: Молодежная культура и ценности будущего: [Материалы конф. 19 апр. 2001 г.] / Отв. ред. А. Г. Козлова, М. С. Гаврилова. СПб.: Verba Magistri, 2001; Левикова С. И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.

¹² См.: Heubner Th. Die Rebellion der Betrogenen: Rocker, Popper, Punks und Hippies — Modewellen und Protest in der westlichen Welt? — Berlin: Verl. Neues Leben, 1986; История и развитие хип-хоп культуры / Авт.-сост. С. Н. Возжаев, А. В. Максимов, Ю. К. Ярушников. М.: Логос, 2004; Луков Вал. А. Хип-хоп культура // Знание. Понимание. Умение. 2005. №1. С. 147–151.

¹³ См.: Miles St. Consumerism as a way of life. L. etc.: Sage, 1998.

¹⁴ См.: Grell P. Mouvement et sentiment de l'existence chez les jeunes precaires // Cahiers intern, de Sociologie. P., 2004. Vol. 117. P. 239–259.

ленькая жизнь», что означает сконцентрированность на межличностном общении, получении удовольствия от повседневных радостей, минимально связанных с социальными обязательствами, свойственными развитым социальным институтам¹⁵.

Как видно из этого примера, стили жизни молодежи совершенно не обязательно вытекают из субкультурных условий мегаполисов и могут фиксироваться не по их символическим выражениям, а по характеру осмысления и переконструирования социальных условий бытия, повседневности.

По нашему мнению, применительно к молодежи важно в качестве обладающих типичностью выделять стили жизни, принудительно воздействующие на те или иные общности ровесников как такие рамки повседневной жизни, которые задаются неустойчивостью социокультурного статуса молодежи.

Мы придерживаемся трактовки этих рамок, сформировавшейся в тезаурусной концепции молодежи¹⁶. В ее основу положена социологическая трактовка ориентационных комплексов — тезаурусов. Этот подход позволил в ряде случаев более обстоятельно рассмотреть молодежную проблематику, преодолевая известную узость эмпирической информации, получаемой в ходе массовых анкетных опросов. В частности, проанализировать такие знаки идентификации молодежи, как одежда, еда, компьютерная техника, обстановка комнаты и т. д.¹⁷ Но, как отмечается в энциклопедическом словаре «Социология молодежи», более существенно, что тезаурусная концепция молодежи позволяет рассмотреть источники социального конструирования реальности молодежью и особенности этого процесса (в том числе такие феномены, как естест-

¹⁵ См.: Ibid. P. 241–242.

¹⁶ Наиболее детальное изложение этой концепции содержится в кН.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.

¹⁷ См.: Ковалева А. И., Луков Вал. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999; Луков Вал. А. Тезаурусная концепция социализации // Дискурс: Социол. студия. Вып. 2 /Моск. гуманит.-социальн. академия. М.: Социум, 2002; Его же. Тезаурусная концепция молодежи // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Москва, 30 сент. 2 окт. 2003 г. М.: Альфа-М, 2003. Т. 3. С. 71–72; Луков Вал. А., Агранат Д. Л. Курсанты: Плац. Быт. Секс. Социологическое и социально-психологическое исследование. М.: Флинта : Наука, 2005.

венная лживость, символизация, действия по ограждению «своего мира», сленг, переструктурирование условий среды и т. д.)¹⁸.

Как подчеркивают Вал. А. и Вл. А. Луковы, тезаурус как упорядоченное знание, достаточное индивиду (группе) для ориентации в обществе, обладает своеобразным свойством структуры информации: ее иерархия строится *не от общего к частному, а от «своего» к «чужому»*. Тезаурусы схватывают мозаику рассеянных событий как целое. Этим открываются широкие возможности для анализа феноменов молодежных сообществ¹⁹. Действительно, выбор линии поведения в значительной своей части есть выбор стиля жизни, который и выступает в повседневности как совокупность устойчиво воспроизводимых образцов поведения. Но одновременно это и характеристика других компонентов повседневной жизни, которые нередко не учитываются в исследовании молодежи, сосредоточенных на фиксации поведенческих реакций или культурных ориентаций. В этом отношении эвристична трактовка молодежи как *социальной группы, которую составляют (1) люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, имеющие социальный статус молодых и являющиеся по самоидентификации молодыми, а также (2) распространенные в этой социальной группе тезаурусы и (3) выражающий и отражающий их символический и предметный мир*²⁰. То, что в поле зрения исследователя не как частность, а как составная часть понимания молодежи включены ее (молодежи) символический и предметный мир, особенно сближает тезаурусную концепцию молодежи с проблематикой стиля жизни.

Описание молодежных субкультур в научной и учебной литературе²¹ подтверждает значимость символического применения тех или иных вещей (одежды, украшений, обустройства жилища, предметов почитания и т. п.) не только для маркировки своей принадлежности к

¹⁸ См.: Ковалева А. И. Тезаурусная концепция молодежи // Социология молодежи: Энциклопедич. словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 507.

¹⁹ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.

²⁰ Луков Вал. А. Тезаурусная концепция молодежи. С. 71.

²¹ См.: Левикова С. И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004; Омельченко Е. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирск. кн., 2004; Нормальная молодежь: Пиво, тусовка, наркотики; Ч. 2: Посторонним вход не воспрещен: Нарративы, дневники, артефакты... аутентичные свидетельства за и против «нормализации» / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Изд-во Ульяновск. гос. ун-та, 2005; Гуманитарное знание: перспективы развития в XXI веке: В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / Под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 478–506.

той или иной группе, но и как фильтр информации, воспринимаемой из внешних источников, ее структурирования и иерархизации в рамках тезауруса и использования для переконструирования образа человека и мира.

Но вновь отметим, что и в этом аспекте субкультурные формы молодежной активности — лишь наиболее заметные для внешнего наблюдения феномены, характеризующие специфику молодежи на этапе активной социализации. Аналогичные процессы происходят в жизни любого молодого человека, вещный и символический мир которого не имеет демонстративных отличий от принятых в окружающей его социальной и культурной среде социальных и культурных норм.

При этом, поскольку в молодости тезаурусы подвержены динамичным изменениям, динамично могут меняться и стили жизни, сохраняя на новых этапах социализационной траектории²² некоторые следы освоенного социального и культурного опыта. Это одновременно означает и специфическое в молодом возрасте изменение социальной и культурной идентичности, а также активное применение молодежью социального конструирования реальности.

Если иметь в виду, что самореализация молодого человека составляет основную цель государственной молодежной политики в современной России, то для российских условий немаловажно понять, не может ли быть в таком случае задача поддержки самореализации личности сведена к поддержке многообразия стилей жизни. По крайней мере, это соответствовало бы распространенному представлению о «человеке постмодерна» — толерантному, открытому «множеству голосов» и далекому от намерения «объявлять войну неверным, отстаивая свой собственный стиль жизни»²³.

Однако составляет проблему, во-первых, то, что в молодежной среде достаточно велико социальное расслоение, а это значит, что автономность стилей жизни в значительной степени подавляется границами, задаваемыми социальной структурой общества. Во-вторых, существенно то, что не вполне установившейся можно считать группу признаков, по которым различаются между собой те или иные стили жизни, имеющие распространение среди молодежи.

²² См.: Ковалева А. И. Социализационные траектории современной российской молодежи // Молодежь и общество на рубеже веков: Междунар. науч.-практич. конференция, 20–21 октября 1998 г.: Секция «Будущее России и молодежь: к новой концепции молодежной политики». Ч. 1. М., 1998. С. 33–34.

²³ Smith M. B. Selfhood at risk: Postmodern perils and the perils of postmodernism // Amer. psychologist. Wash., 1994. Vol. 49, N5. P. 408.

Остановимся на этих сложных вопросах, важных для теоретико-методологического обоснования темы нашего исследования.

Первый вопрос относительно социального расслоения в молодежной среде достаточно прояснен еще в классическом марксизме. Ему уделяли пристальное внимание К. Маркс и Ф. Энгельс, показавшие, что в молодежной среде действует тот же принцип социального неравенства, как и в классовом обществе в целом. В этом плане справедливо разделять феномен молодежи на сегменты по основанию социально-классовой принадлежности.

В начале XXI века марксистский классовый подход к молодежи предстает как существенно уточненный: он учитывает изменение социальной структуры и характера связи социально-классовых групп, и было бы неверным просто отбросить его как устаревший. Из сути классового подхода вытекает, в частности, необходимость видеть латентную связь социально-классовых признаков со стилями жизни молодежи. Разумеется, здесь недопустима вульгаризация, которая преодолевается, в частности, выделением в молодежной среде реальных социальных групп.

Одной из таких реальных групп, вне всякого сомнения, необходимо признать студенчество. Хотя она складывается из представителей разных социально-классовых групп общества, ее специфическое воздействие на образ жизни и тезаурусы молодых людей снижает роль исходных социальных различий и создает общность с вполне оригинальными социальными признаками, воспроизводимыми и обогащаемыми от поколения к поколению.

Для нас также важно, что роль студенчества в современном мире изменяется. В ряде стран активно формируются предпосылки к всеобщему высшему образованию, и уже значительная часть молодого поколения проходит через вуз как стадию своего не только профессионального, но и личностного становления.

Не менее важно и то, что высшее образование (а значит — пребывание на определенном этапе жизненной и социализационной траектории в качестве студента) стало практически повсеместно условием карьерного роста в решающих областях человеческой деятельности, в том числе в структурах управления государством и обществом. Иметь высшее образование для людей, принимающих ответственные управленческие решения, стало социальной нормой, чего не отмечалось по крайней мере до середины XX века.

Следовательно, и рассмотрение стилей жизни молодежи на материале студенчества не является сегодня лишь частичным ответом на поставленную исследовательскую задачу. В студенческой социальной

общности и следует искать базовую для молодежи информацию о значимости для ее становления и развития стилей жизни.

Стилевая палитра студенческой жизни многообразна. И сегодня она все еще сохраняет черты, восходящие к университетскому братству средних веков. В студенческой среде той или иной стиль жизни не формируется из индивидуальных пристрастий и привычек, а продавливается в тезаурусах молодежи, пришедшей учиться, как установки и образцы поведения предшественников. Социальные и культурные практики предшествующих поколений студентов осваиваются новыми поколениями через систему символов и знаков, студенческий фольклор, «хмельные пирушки», ритуалы посвящения и т. д.

В аспекте развития личности молодого человека этот фактор следует считать существенным. В большинстве исследований студенческой молодежи формирующее влияние вуза на личность рассматривается как результат усвоения образовательных программ, воспитательного влияния личности преподавателя. Признается при этом, что развивающее значение имеют в первую очередь факторы, которые вслед за М. Вебером следует назвать целерациональными. Они чаще всего связываются с высоким качеством образования.

Между тем и менее высокое качество образовательных программ (в определенные эпохи неизбежное, например, в периоды коренных социальных трансформаций и следующей за ними аномией в обществе) дает если не равнозначный, то в принципе сходный результат личностного развития студентов, по крайней мере части из них. В этом плане аргументы дают исследования Института гуманитарных исследований МосГУ, проводимые в течение ряда лет в вузах столицы и многих городов России, и прежде всего мониторинговое исследование «Российский вуз глазами студентов» (научный руководитель проекта И. М. Ильинский). В анализе полученных результатов наше внимание привлекает вывод, что обобщающее слово «студенчество» точно отражает действительность²⁴. Хотя изучавшиеся вузы очень не похожи друг на друга, в студенческой среде устойчиво проявляется тенденция: представлены разные, иногда диаметрально противоположные позиции, но в том, что касается ценностных ориентаций и социальных норм, конфигурация студенческого сообщества близка в самых разных точках страны и

²⁴ См.: Социальные и культурные ценностные ориентации российской молодежи: Теоретические и эмпирические исследования (Расширенный колл. доклад ИГИ МосГУ на Всерос. науч. конференции «Образ российской молодежи в современном мире: ее самосознание и социокультурные ориентиры», Москва, 6–7 дек. 2007 г.). М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. С. 49.

практически не зависима от правового статуса вуза²⁵. «Студенчество московских и региональных вузов если и имеют различия в ценностных ориентациях, то совсем не в таких масштабах, чтобы говорить о пропасти, разделяющей столицу и провинцию. Для студенчества регионов больше свойственны патриотические устремления, намерение после окончания вуза работать по специальности, ожидание гарантированного вузом трудоустройства, несколько больший уровень оптимизма во взглядах на будущее и др. Но эти отличия, как правило, незначительны»²⁶.

Включение в социальную общность «студенчество» молодого человека оказывается, таким образом, автономным фактором личностного развития. Он выдерживает различного рода напряжения, которые пока недостаточно исследованы.

Например, немаловажно, что здесь обнаруживаются конфликты культурной идентичности. А. Г. Русанова показала в своем исследовании по студентам областного центра, что ситуация получения высшего образования непосредственно влияет на культурную идентичность студента: «В этот период идет наиболее активное противодействие культурной унификации и локализации. Учебное заведение унифицирует культурные характеристики индивидов и включает их в максимально широкий культурный контекст, представляет его носителем мультикультуры или транснациональной культуры (университетской культуры), что вызывает противоположно направленное стремление сохранить пределы значимого культурного пространства, освоенного ранее (прежде всего в период первичной социализации)»²⁷.

Этот конфликт, как показывает исследование, порождает разные адаптационные стратегии, и в них роль образовательных программ приоритетна лишь в одной из трех выделенных групп, которая охватывает примерно треть студентов. Значит, две трети решают столь важную задачу личностного развития иным путем.

²⁵ См.: Луков Вал. А., Гневашева В. А. Студент и вуз: российские реалии: По материалам мониторинга «Российский вуз глазами студентов (этап 2006 года). М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007; Луков Вал. А. Студенты России: новые данные мониторинга // Высшее образование для XXI века: III Международная научная конференция. Моск. гуманит. ун-т, 18–20 октября 2006 г.: доклады и материалы. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. С. 90–95.

²⁶ Социальные и культурные ценностные ориентации российской молодежи. С. 50.

²⁷ Русанова А. Г. Особенности культурной идентичности студентов в областном центре России: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. С. 4–5.

Стили жизни, которые осваивают студенты в годы учебы в вузе, построены по тезаурусному основанию и дают возможность различать «своих» и «чужих» в социокультурном пространстве как в наличествующих условиях, так и в перспективе. Воспоминание о счастливых и беззаботных студенческих годах, о любви и дружбе, о полученных жизненных уроках оказывается впоследствии одной из доминантных мотиваций при принятии самых разных жизненных решений.

Тезаурусные конструкции формируются в рамках социальных и культурных практик, что составляет важный аспект социализации индивида, особенно в возрасте юности, когда тезаурусы еще не устоялись, но уже в меньшей степени зависят от воспитательного воздействия значимых других, т. е. когда уже есть возможность говорить о свободном выборе линии поведения.

Второй сложный вопрос, на который необходимо дать ответ в теоретико-методологической части исследования стилей жизни молодежи, состоит в том, что признаки, по которым различаются между собой стили жизни в молодежной среде, трактуются по-разному и связываются с разными факторами воздействия. Часто в качестве различительных признаков фигурируют чисто внешние детали: особенности одежды, причесок, предметов, по которым узнаются «свои» (знаковых отличий), речи и т. д.

Без всяких сомнений, в этих фрагментах реальности отражаются и стили жизни, но, в конечном счете, это уводит исследователя от фиксации латентных факторов стилевых различий и назначения тех или иных стилистических средств. На поверхности оказываются только субкультурные маркеры, относящиеся к относительно небольшой части молодежи.

Кроме того, немаловажно, что в условиях материальных ограничений поддержания своего имиджа во многих случаях символические вещи оказываются в совершенно не свойственных им контекстах: они покупаются, потому что оказались дешевле, удобнее, доступнее и т. п. Таким образом, в их потреблении не вкладывался субкультурный смысл и их символическое значение и назначение для определенной части пользователей неизвестно, непонятно или несущественно (безразлично).

Следует учитывать и то, что некоторые ученые трактуют стили жизни молодежи как, во-первых, единый атрибут этой социальной группы и, во-вторых, как индивидуальное выражение образа жизни молодежи.

Такая позиция изложена, в частности, Л. В. Сохань в энциклопедическом словаре «Социология молодежи». Само определение термина

содержит утверждение, что стиль жизни молодежи представляет собой устойчивое единство, целостность, а в наиболее развитых формах и гармонию «характерных черт системы жизнедеятельности молодежи как социальной группы», что связывается с воспроизводством наиболее типичных характеристик жизнедеятельности молодых людей, а также «манеры, привычки, вкусы, склонности, ценностные предпочтения, варианты социального и индивидуального поведения»²⁸.

Здесь два дискуссионных положения.

Первое — утверждение о единстве стиля жизни молодежи. Автор статьи в другом месте замечает, что поскольку «молодая генерация состоит из различных (по своим социальным, социально-статусным, половозрастным и другим характеристикам) групп, то каждая из них, будучи носителем общего молодежного стиля жизни, имеет и свой особенный стиль жизни, манеру повседневного поведения. Так, скажем, стиль жизни молодежи в городской среде и сельской местности имеет существенные различия. В стиле жизни в разных гендерных группах, как свидетельствуют исследования (В. И. Чупров, Ю. А. Зубок), также имеются существенные отличия. Еще более широкий спектр индивидуальных «вариантов жизни» (в терминологии А. В. Дружинина) обнаруживается на уровне личности, в индивидуальном бытии молодого человека...»²⁹. Однако если это так — и отмеченные различия существенны, то как быть с утверждением о единстве стиля жизни молодежи?

Второй дискуссионный момент состоит в том, какими чертами характеризуется стиль жизни молодежи. Если это «манеры, привычки, вкусы, склонности, ценностные предпочтения» и т. д., то повисает в воздухе утверждение о связи стиля жизни с образом жизни. Согласно Л. В. Сохань, образ жизни выступает как отражение социального в индивидуальном, а стиль жизни — как отражение индивидуального в социальном.

Это чисто теоретическая формула, не проясняющая, как же функционирует стиль жизни и какую социальную потребность он обеспечивает. Если стиль жизни — характеристика индивидуальная, то исчезает из поля зрения принудительный характер избранного тем или иным молодым человеком стиля жизни: такое принуждение отражает действие механизмов социального контроля тех или иных сообществ, в данном случае очень часто сообществ ровесников (peer-groups).

Как раз стили (а не единый стиль) жизни молодежи потому и могут формировать автономность тех или иных молодежных сообществ от

²⁸ Сохань Л. В. Стиль жизни // Социология молодежи: Энциклопедич. словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 484.

²⁹ Сохань Л. В. Стиль жизни. С. 484–485.

общества в целом, что обладают социальной, а не индивидуальной доминантой, а манеры, привычки, вкусы и т. п. — лишь внешнее выражение обеспечения независимости. Индивидуальный компонент здесь, разумеется, присутствует, прежде всего в выборе соответствующего стиля жизни тем или иным молодым человеком, но вряд ли оправдано противопоставлять стиль и образ жизни по тому основанию, что первый выражает индивидуальное, а второй социальное в жизненном пространстве.

Некоторая неясность общей концепции стиля жизни молодежи, представленной Л. В. Сохань, создает проблемы и типологизации стилей жизни молодежи. Исследователь пишет по этому поводу, что многогранная гамма индивидуальных оттенков в стиле жизни молодежи не исключает возможности проводить типологизацию, которая «может быть осуществлена по разным параметрам».

Так, с точки зрения полноты и нравственного содержания жизненной самореализации социального субъекта можно выделить такие стили жизнеосуществления: частичная, ущербная (односторонняя); ложная (в нарушении правовых, нравственных и социально-психологических норм); целостная, всесторонняя или многосторонняя, предполагающая развитие и включение в процесс жизнедеятельности человека всего потенциала его возможностей»³⁰.

Такая типологизация слабо соотносится с представлением о стиле жизни молодежи, заявленном автором в определении понятия. Она также лишь частично подходит для целей операционализации понятия в эмпирическом исследовании: продуктивна связь стиля жизни с самореализацией социального субъекта, но в остальном конструкция понятия слишком абстрактна и скорее подходит для группировки результатов, чем для выявления фактов и их описания.

Мы предлагаем другой подход к операционализации понятия «стили жизни молодежи» и соответственной типологии реально обнаруживаемых стилей жизни этой социальной группы. Исходя из сущности стиля жизни и материалов эмпирических исследований по студенческой молодежи, мы считаем целесообразным выделить признаки стиля жизни молодежи по основанию ценностной ориентации на «хорошую жизнь», что обозначит центр операционализации понятия для эмпирических исследований и типологизации стилей жизни молодежи.

В этой связи заметим, что трактовки «хорошего общества» в последнее время вошли в круг отечественных социально-философских и

³⁰ Сохань Л. В. Стиль жизни. С. 485–486.

социологических дискурсов. В освоении этой проблематики видную роль сыграли труды Н. Н. Козловой³¹, проводившей линию на развитие качественной социологии и осмысливавшей советское общество в его субъективном восприятии простым человеком.

Эта линия одновременно, как нам представляется, означает конструирование определенных стилей жизни. В новейшей литературе на передний план выдвинулось осмысление общества через понятие «хорошего общества».

В этом осмыслении ведущую роль играет концепция В. Г. Федотовой³². Концепция получила высокую оценку в научном сообществе. Особенно подчеркивается успешность попытки разработать теоретическую модель «хорошего общества», предпринятой В. Г. Федотовой с целью преодоления сугубо эмпирических моделей, созданных на Западе. «Центральная идея здесь — в истолковании “хорошего” как особого модуса существования общества, в котором “снимаются”, во-первых, фундаментальное противоречие между “свободой” и “благом”, а во-вторых, противоречие между двумя базовыми стратегиями воплощения идеи блага в действительность — вэлферизмом и перфекционизмом»³³.

В основе представлений о «хорошем обществе» лежит социальное конструирование образа общества, приемлемого для жизни, — не идеального, но достаточного для реализации определенного жизненного плана. В молодом возрасте это тем более важно, что связано с социальными ожиданиями от самореализации в обществе, которые, в конечном счете, и формируют представление о том, что значит «хорошо жить».

Если исходить из этих аргументов, вытекающих, в частности, из тезаурусного подхода к объекту исследования, стили жизни молодежи можно классифицировать в зависимости от жизненных стратегий, разделяемых теми или иными группами молодежи и составляющими их индивидами. Во всяком случае, такой классификационный признак позволяет сгруппировать стили жизни молодежи вокруг ценностных центров, оставляя на периферии различные формы самопроявления молодых людей в обществе, особенности их одежды, причесок, жестов и слов.

³¹ См.: Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: (Голоса из хора) / Ин-т философии РАН. М., 1996; Она же. Введение в социальную антропологию: Курс лекций / Ин-т молодежи. М., 1996; Она же. Советские люди: Сцены из истории. М.: Европа, 2005.

³² См.: Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2006. См. также: «Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества / ИФ РАН; Отв. ред. В. Г. Федотова. М., 2003.

³³ Канарш Г. Ю. На пути к хорошему обществу // Знание. Понимание. Умение. 2006. №3. С. 219.

В этих целях может быть построена матрица, строки которой составят основные жизненные стратегии — представления молодых людей о том, какие стороны «хорошей жизни» для них наиболее значимы.

Различные ожидания молодежи (на основе ранее проведенных исследований, прежде всего в рамках научной школы социологии молодежи Московского гуманитарного университета) мы считаем возможным свести к пяти основным группам.

Первую группу составляют ожидания от самореализации, связанные с успешной деловой карьерой. Это позиция, характеризующаяся как социальная норма. Она в интегральной форме отражает и активность молодой генерации, и возможности для самореализации в творчестве, и расчет на материальный достаток, признание в обществе, получение доступа к инструментам власти и т. д.

Вторую группу составляют жизненные планы, построенные на стремлении к наслаждениям от жизни, которые мы обозначаем как гедонистические. Известно, что гедонизм — «этическая установка, с точки зрения которой основой природы человека является его стремление к наслаждению, а потому все ценности и ориентации деятельности должны быть подчинены или сведены к наслаждению как подлинному высшему благу»³⁴. Такая ориентация признается в обществе, не противоречит социальной норме, хотя и не является ее последовательным воплощением, поскольку отводит слишком ничтожное место общественному долгу.

Третья группа выделяется по такому основанию, которое мы обозначаем как «экстрим». Данное слово еще не приобрело характера термина, хотя уже фиксируется в русском сегменте Википедии³⁵, где нет определения соответствующего понятия, но указывается, что слово «extreme» имеет в английском языке несколько значений: противоположность; высокая степень чего-либо, высшее достижение; непомерный, чрезвычайный, чрезмерный; исключительный, особенный. В разговорном языке словом «экстрим» в большинстве случаев обозначают какие-либо выдающиеся, экстраординарные действия, как правило, связанные с опасностью для жизни. Наибольшее применение термин имеет в отношении некоторых видов спорта, в частности тех, которые получили развитие с 1950-х годов и стали называться экстремальными (скейтбординг, сноубординг, парашютизм, скалолазание, паркур и др.). Эти виды спорта «характеризует высокая степень опасности для жизни и здоровья спортсмена, большое количество акробатических трюков, высокий уро-

³⁴ <http://philosophy.polbu.ru/gedonizm.htm>

³⁵ <http://ru.wikipedia.org/wiki>

вень адреналина, который выделяется у спортсмена во время занятия спортом»; соответственно и «философия» экстрима для многих «заключается лишь в получении предельно острых ощущений, балансировании на грани жизни и смерти. Но есть и такие люди, для которых экстрим — это не просто способ пощекотать себе нервы, а возможность постоянно поддерживать в себе обостренное чувство жизни. Нет сомнения, что спортсмены-экстремалы — очень храбрые люди, умеющие бороться, добиваться цели и поддерживать свое тело в феноменальной форме»³⁶.

В известном смысле, экстрим также связан с удовольствием, как гедонизм, однако разница заметна в том, что первое основано на риске и чувстве опасности, в то время как второе предполагает комфорт. Отсюда и существенные отличия в жизненных стилях, основанных на гедонизме и экстриме.

Четвертая группа может быть обозначена как ориентированная на альтруизм. Здесь на передний план выходят ценности служения людям, поведение, организация жизни подчиняется нравственному принципу бескорыстного служения другим людям, самоотречения, сострадания, милосердия. К этой группе может быть отнесена и ориентация на религиозные ценности.

Пятая группа обозначается через высокую мотивацию к освоению мировой и отечественной культуры, ориентацию жизненных планов на развитие личности и ее творческих способностей. Эта позиция проявляется в среде учащихся на всех уровнях образовательного процесса, но не является всеобщей, более того, нередко встречает отпор в среде, где распространены другие ценности «хорошей жизни», а носители стремления к познанию, науке, высокому искусству могут подвергаться различным социальным практикам исключения³⁷.

Очевидно, что пять выделенных позиций, характеризующих ожидания молодежи от самореализации, предполагают определенные внешние условия.

Таковыми условиями для первых трех позиций, в частности, являются преимущественно городская жизнь, где повседневность предполагает достаточно ослабленный контроль со стороны взрослых (значимых других) и наличие спектра возможностей для выбора способа самореализации молодого человека, подготовки к этой самореализации. Имеет значение и такой фактор, как мирная обстановка (отсутствие войны, чрезвычайного положения и т. п.).

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Зубок Ю. А. Исключение в исследовании проблем молодежи // Социол. исследования. 1998. №8. С. 47–56.

Четвертая позиция получает возможность развиваться в условиях оживления деятельности церкви, благотворительных организаций. Она отражает установки некоторой части молодых людей на заботу о ближних, самоотречение, аскетизм.

Пятая позиция может быть эффективно реализована в условиях доступности образования, форм реализации в творческой деятельности (научной, технической, художественной и т. д.).

Позиции, являющиеся обобщением жизненных стратегий студенчества, могут быть дополнены позициями, которые возможно выявить в других молодежных группах, но для нашего исследования это было бы излишним.

Вернемся к матрице. Столбцами матрицы выступают ориентации на самореализацию как индивидуальное достижение и на самореализацию в составе группы близких людей («своих»). Первая ориентация в таком случае соответствует индивидуалистским установкам, вторая — коллективистским.

Соответственно, матрица приобретает следующий вид (таблица 1):

Таблица 1

Матрица стилей жизни студенческой молодежи

Ожидания от самореализации — основа «хорошей жизни»	индивидуалистская ориентация	коллективистская ориентация
деловая карьера и успех		
гедонизм		
экстрим		
альтруизм		
образованность и творчество		

С учетом сказанного в данном исследовании выделяются следующие стили жизни, свойственные молодежи (прежде всего студенческой молодежи, поскольку в других социально-профессиональных группах жизненные стратегии могут отличаться из-за многообразных внешних и внутренних обстоятельств).

1. Индивидуалистический стиль жизни, ориентированный на деловую карьеру и успех.

2. Индивидуалистический стиль жизни, ориентированный на гедонизм.
3. Индивидуалистический стиль жизни, ориентированный на экстрим.
4. Индивидуалистический стиль жизни, ориентированный на альтруизм.
5. Индивидуалистический стиль жизни, ориентированный на образованность и творчество.
6. Коллективистский стиль жизни, ориентированный на общее достижение социально значимых целей.
7. Коллективистский стиль жизни, ориентированный на гедонизм.
8. Коллективистский стиль жизни, ориентированный на экстрим.
9. Коллективистский стиль жизни, ориентированный на альтруизм.
10. Коллективистский стиль жизни, ориентированный на образованность и творчество.

В эмпирическом исследовании мы будем исходить из предложенной трактовки стиля жизни молодежи и выделенных десяти типов, характерных для стилей жизни студенчества. Очевидно, что эти стили не распространены равномерно и не могут быть одинаково представлены во всех студенческих сообществах. Как показали исследования научной школы Московского гуманитарного университета, уже на стадии поступления в вуз студенты различаются по своим ценностным ориентациям в зависимости от избранной специальности и жизненных планов, связанных с будущей профессией. Ожидания от профессии, которую предстоит освоить, оказываются тесно связанными с распространенностью тех или иных представлений о «хорошей жизни», а значит, имеют дифференциацию по преимущественному стилю жизни. Профессия как бы притягивает людей определенного типа, определенного склада ума, определенного набора других личностных качеств. Далее происходит только отшлифовка таких качеств, вытекающая из процесса профессиональной социализации³⁸.

Итак, проблематика стиля жизни, получившая распространение в современной социологии главным образом как альтернатива структурированию общества по социально-классовому признаку, имеет более широкое поле для применения, когда изучаются социальные и культурные феномены, связанные с молодежью.

³⁸ См.: Луков Вал. А., Гневашева В. А., Ковалева А. И., Луков С. В. Первокурсник Московского гуманитарного университета: год 2006: По материалам социологического исследования (мониторинг, этап III). М., 2006.

Если в трактовке социальной структуры обращение к понятию «стиль жизни» во многом носит компенсаторный характер и направлен на лучшее описание и объяснение процессов, возникших в конце XX — начале XXI века, то в сфере молодежных исследований стиль жизни характеризует устойчивость некоторых жизненных форм в условиях общей неустойчивости самой системы, каковую составляет молодежь и каждый отдельный молодой человек.

При использовании тезаурусного подхода стиль жизни позволяет более основательно классифицировать структурные основы организации повседневности применительно к молодому человеку и молодежным сообществам.

Выделение стилей жизни, присущих студенческой молодежи, может быть осуществлено разными способами. Однако принятая в исследовательской практике преимущественная ориентация на определенные субкультурные феномены не дает общей картины, поскольку значительная часть студенческой молодежи не связывает ни свое настоящее, ни свое будущее с теми или иными популярными в данный момент субкультурами, не пользуется в обыденной практике их знаками и символами. Более приемлема типология, построенная на ожиданиях от самореализации молодежи, интерпретируемые через их представления о «хорошей жизни».

РЕЦЕПЦИЯ ШЕКСПИРА В ТЕЗАУРУСЕ ЖУКОВСКОГО*

В. А. Жуковский вслед за Карамзиным стал одним из первых ценителей Шекспира в России начала XIX века. Его опыт освоения шекспировского тезауруса представляется особенно интересным, так как был достаточно долгим и неоднозначным. С одной стороны в собственном художественном творчестве Жуковского шекспировский гений отразился практически незаметно, с другой, его постоянное общение с младшими современниками учениками-друзьями, среди которых царил культ Шекспира, не могло не оставить след в художественно-эстетическом мировоззрении русского поэта.

Знакомство Жуковского с творчеством Шекспира, равно как и других английских поэтов, могло произойти в пору его пребывания в Московском университетском благородном пансионе (1797–1800) и участия в Дружеском литературном обществе (1800–1801)³⁹.

Косвенным свидетельством того, что студенты Университетского благородного пансиона были знакомы с творчеством великого драматурга, может служить то, что имя Шекспира употреблялось ими в качестве нарицательного. Так, в воспоминаниях младшего современника Жуковского М. А. Дмитриева в книге «Мелочи из запаса моей памяти» (1854), «нашим Шекспиром» называется поэт и драматург Николай Васильевич Сушков. Конечно, нарицательный характер такого сравнения мог возникнуть значительно позже, например, одновременно со становлением литературной рецепции Шекспира в русской культуре. Но употребление имени Шекспира в нарицательном контексте было свойственно и самому Жуковскому. Так, П. А. Вяземский вспоминал о том, что в часы досуга Жуковский любил поупражняться в «гениальном вранье» и ценил такую способность в других: «В нашем обществе был молодой

* Исследование выполнено в рамках проекта «Идея “шекспиризма” в русской литературе XIX века: Пушкин и Достоевский», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (№ 07-04-00182а).

³⁹ См.: Дмитриев М. А. Из книги «Мелочи из запаса моей памяти» // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука, 1999. С. 117.

человек, который также превосходно отличался по этой части. При встречах с ним он вызывал его на импровизацию и на представления в лицах какой-нибудь комической сцены. Он заслушивался его, любовался им и, в восторге вскрикивая, помирал со смеху: да ты просто Шекспир!»⁴⁰. Кем был этот молодой приятель Жуковского, установить не представляется возможным; большая подборка шуточных стихотворений, написанных в селе Долбино осенью 1814 г. («долбинская осень», «долбинские стихотворения»), была опубликована П. И. Бартевым (Русский архив. 1864. № 10. Стб. 1005).

Определенное влияние на эстетические взгляды Жуковского мог иметь талантливый литератор А. И. Тургенев (1781–1803). Этот рано ушедший из жизни переводчик Шекспира, Шиллера и Франклина писал о своем товарище в 1802 г.: «...окружен Греем, Томсоном, Шекспиром, Попе и Руссо!»⁴¹. Впрочем, понимание истинной художественной ценности творчества Шекспира пришло к нему не сразу⁴². В том же 1802 г. Жуковский выступил с критикой «Макбета» Андрея Тургенева и советовал опустить из его перевода фантастические сцены с ведьмами, места о «пузырях земли». Автор посчитал работу над переводом неудавшейся и уничтожил свой перевод.

Несмотря на критичное отношение к шекспировской фантастике, уже спустя десятилетие сам Жуковский переболел нарочитыми Бюргеровскими страстями и начал вводить в свои баллады русский колорит. В «Светлане» (1812) он обратился к теме святочного гадания, отдаленные переключки с темой жизни-сна и смерти-воскресения восходят к «Зимней сказке» Шекспира. В то время, когда Жуковского обвиняли в увлечении заморскими ведьмами и чертями, он, напротив, обращался к народной стихии, погружал читателя в атмосферу фольклорных обычаев, что всегда было чисто шекспировской особенностью. Даже нападая на поэта в 1824 г., шекспирист Кюхельбекер не мог не признать национального характера поэмы Жуковского: «Печатью народности ознаменованы какие-нибудь 80 стихов в “Светлане”...».

⁴⁰ См.: Вяземский П. А. Из «Объяснений к письмам Жуковского» // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука, 1999. С. 205.

⁴¹ Цит. по: Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. 50.

⁴² См.: В. А. Жуковский — критик / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. Ю. М. Прозорова. М.: Сов. Россия, 1985. С. 80–81, 133, 151; Жуковский В. А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1985 (о Шекспире см. указатель имен).

Жена Жуковского Мария Протасова вспоминала в 1822 г. о счастливых днях, которые они с поэтом проводили в Муратове, родовом имении Буниных, где они вслух читали Шекспира и Гёте.

К. К. Зейдлиц приводит следующие сведения, относящиеся к общению Жуковского с немецким шекспиристом Людвигом Тиком во время пребывания в Дрездене в 1821 г: «В первое же свидание Жуковский немного поспорил с хозяином по поводу Шекспирова “Гамлета”, который казался нашему поэту непонятным чудовищем и в котором, казалось ему, Тик и Шлегель находят более собственное богатство мыслей и воображения, нежели Шекспирова»⁴³. На это суждение Тик ответил Жуковскому: «Но в том-то и привилегия гения, что, не мысля и не назначая себе дороги, по одному естественному стремлению, — вдруг он доходит до того, что другие открывают глубоким размышлением, идя по его следам; чувство, которому он повинуетя, есть темное, но верное; он вдруг взлетает на высоту и, стоя на этой высоте, служит для других светлым маяком, которым они руководствуются на неверной своей дороге»⁴⁴. Желая привлечь внимание Жуковского именно к изобразительной силе таланта Шекспира, Тик читал ему вслух «Макбета», особенно ужасные сцены (возможно, те самые, которые русский поэт призывал изъять из перевода своего друга). Но наш поэт и тут нашел, что в сравнении с чтением своего знакомого А. А. Плещеева (1778–1862) Тик не настолько владеет выражением эмоций и мимикой. Жуковскому больше понравилось чтение Тиком шекспировской комедии «Как вам угодно», и он заключил, что немец лучше владеет исполнением комических пьес, нежели трагедий: «Но Плещеев, кажется мне забавнее, может быть потому, что комическое французов ему более знакомо, нежели Шекспирова. Французы прекрасно изображают странное, смешат противоположностями, остротой или забавностию выражений; Шекспир смешит резким изображением характеров, но в шутках его нет тонкости, по большей части одна игра слов; они часто грубы и часто оскорбляют вкус. Сверх того, Тик, как мне кажется, дошел до смешного искусством: его характер более важный, нежели веселый»⁴⁵.

Таким образом, в начале 1821 г., когда поэт предпринимает свое путешествие по Европе, ему еще свойственно смотреть на драму Шекспира с позиции французского классицизма. Так, запись в одной из тет-

⁴³ Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. Цит. по: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука, 1999. С. 62.

⁴⁴ Там же. С. 63.

⁴⁵ Там же.

радей, которую поэт сделал для занятий с великой княгиней Александрой Федоровной, представляет, по мнению исследователей, конспект из работ зарубежных авторов по истории литературы и собственные выводы Жуковского, где он дает гуманистическую трактовку творчества великого драматурга: «Шекспир не классический писатель в том смысле, как Софокл; не имеет отделки, но верный изобразитель природы и жизни, без принуждения — без всяких теорий. В его творениях сперва человек, потом гражданин или герой»⁴⁶.

Возможно, что после плодотворного общения с Л. Тиком Жуковский стал более внимательно относиться к творчеству Шекспира. В его зрелом творчестве английская литература уступает место, пожалуй, только немецкой, но размышления о ней он выносил за рамки творчества. Вероятно, в творческие планы Жуковского входила работа по переводу Шекспира. Среди книг библиотеки поэта встречается список, сохранившийся на форзаце одной из них, который, скорее всего, указывает на творческие планы Жуковского:

- «Из Мильтона
- Шекспира — Макбет⁴⁷. Отелло.
- Томпсона —
- Попа
- Голдсмита. Desert^{ed} vill age
- Валтер Скотта. Татий
- Бейрона — Манф <ред.>.
- IV Песнь. Сон.
- Мура
- Саути — Родриг
- Вордсворта — The travail
- Крабба — »⁴⁸.

В последние годы и месяцы своей жизни Жуковский особенно беспокоился о дальнейшей судьбе развития русской литературы, ее опоры на верные образцы, среди коих он, в первую очередь, выделял английского драматурга. В письме к своему верному другу Плетневу от 7 декабря (стар. ст.) 1851 г. Жуковский озвучивает своеобразное духовное завещание, которое просит передать на словах А. Н. Майкову: «Скажите от меня Майкову, что он с своим прекрасным талантом может начать разряд новых русских талантов, служащих высшей правде, а не материальной чувственности; пускай он возьмет себе в образец Шекспира,

⁴⁶ См. Библиотека Жуковского в Томске. Ч. 2. Томск. С. 210.

⁴⁷ Кюхельбекер предлагал Жуковскому перевести эту пьесу в 1825 г.

⁴⁸ Там же. С. 484.

Данте, а из древних Гомера и Софокла...»⁴⁹. Плетнев исполнил волю товарища, о чем успел сообщить последнему: «Майков оживотворен тем, что вы о нем ко мне писали. Я с ним прочитал вместе вашего “Лебедя”, и он в восторге от него»⁵⁰. Здесь имеется в виду не «Эйвонский лебедь», как иногда называли Шекспира современники (Бен Джонсон, 1623), а стихотворение Жуковского «Царскосельский лебедь» (1851), в котором поэт называет себя «пращуром лебединым»:

Но не сетуй, старец, прашур лебединый,
Ты родился в славный век Екатерины⁵¹.

Смысл образа Жуковский раскрыл в выше упомянутом письме к Плетневу: «Чтобы заплатить вам чем-нибудь за ваши хлопоты, посылаю вам новые мои стихи, биографию Лебеда, которого я знавал во время оно в Царском Селе. Об нем я вспомнил, увидя в Бадене великую княгиню Марию Николаевну, которая была для меня явлением Руси на чужой стороне. Мне хотелось просто написать картину Лебеда в стихах, дабы моя дочка их выучила наизусть; но вышел не просто Лебедь. Посылаю его вам. Может быть, в стихотворной биографии вы найдете ту же старческую хилость ее автора, какую страдал описанный им Лебедь. Во всяком случае, прошу принять благосклонно эту лепту вдовицы»⁵².

Все перечисленные факты наводят на мысль: Жуковский наряду с Пушкиным, Карамзиным и Кюхельбекером был серьезным почитателем Шекспира, что выражает их общий интерес к творчеству английского драматурга. Отсюда естественный вывод: Шекспир играл одну из наиболее существенных ролей в тезаурусе писателей «Александровской эпохи».

⁴⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Цит. по кн.: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 478.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Императрицу Екатерину II поэту довелось видеть только единожды будучи пятилетним мальчиком на приеме в Зимнем дворце.

⁵² Там же. С. 433.

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ*

Перу Сельмы Лагерлёф принадлежит целый ряд художественных, исторических и страноведческих книг, в том числе и всемирно известная сказка «Путешествия Нильса с дикими гусями». В 1909 г. она стала первой женщиной-писательницей, удостоенной Нобелевской премии по литературе «...в знак признания возвышенного идеализма, яркого воображения и духовного восприятия, характеризующих ее труды...». Ее произведения уходят корнями в легенды и саги Скандинавии. Все свое детство она училась и росла дома, под присмотром бабушки, которая и привила Сельме тягу к народным сказкам и легендам. Отвернувшись от доминирующего реалистического движения, она в романтической манере образно описывала крестьянскую жизнь и природу Швеции. Всемирное признание получили ее первый роман «Сага о Йёсте Берлинге» (1891), знаменитая трилогия о Лёвеншёльдах — романы «Перстень Лёвеншёльдов» (1925), «Шарлотта Лёвеншёльд» (1925) и «Анна Сверд» (1928), дилогия «Иерусалим» (1901–1902), а также «Путешествия Нильса с дикими гусями» (1906–1907), самая популярная из ее книг, частично вдохновленная натуралистическими рассказами Редьярда Киплинга.

Министерство Образования Швеции признало это произведение средством для изучения географии страны. В двух томах писательница повествует историю четырнадцатилетнего мальчика Нильса, который превращается в карлика из-за своей эгоистичности и избалованности. На спине гуся он отправляется в путешествие в сторону Лапландии. Во время поездки с дикими гусями Нильс посещает все уголки Швеции и одновременно учится доброте. История носит открыто моралистический характер и ее призыв к бережному отношению к природе еще более актуален в наши дни. Рассматривая шведскую жизнь с воздуха, автор обильно снабжает читателя информацией о своей родной стране, ее географии, истории и мифологическом прошлом. Книга переведена на многие языки мира. Еще до революции она была издана в России. В 1955 г. в СССР по этой книге был снят мультфильм «Заколдованный мальчик».

Когда японский новеллист Ое прибыл в Стокгольм для получения Нобелевской премии по литературе в 1966 г., он признался, что в юности

* Работа выполнена в рамках проекта «Россия и Европа: диалог культур во взаимотражении литератур», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (грант 06-04-00578а).

не раз читал и перечитывал эту книгу и чувствовал, что уже был знаком со Швецией. Еще одним поклонником книги был философ Карл Поппер (1902–1994). «В течение многих лет я перечитывал эту книгу как минимум раз в год и впоследствии я вероятно по несколько раз прочитал все произведения Сельмы Лагерлёф», — признался он в книге «Unended Quest» в 1974 г.

Вымысел играет важную роль в историях и новеллах Лагерлёф. Роман «Возница» («Körkarlen», 1912) был основан на легенде, в которой утверждается, что последний умерший в новогодний вечер должен управлять каретой Смерти весь последующий год. В рамках сверхъестественной истории Лагерлёф обращается к вопросам социального характера.

В ее небольших рассказах нередко размываются границы между вымыслом и реальностью. Иногда она заимствовала элементы сказок или Викторианского готического романа. Вышедшая в 1908 г. книга «Сказка о сказке и другие сказки» содержит одну из ее наиболее известных религиозных притч под названием «Легенда о Рождественской розе».

Первым произведением Сельмы Лагерлёф в русском переводе стала новелла «Падший король» («En fallen kung») из первого издания «Невидимых цепей» («Osynliga länkar») в 1895 г.⁵³ Новелла была опубликована в журнале «Северный вестник» в Петербурге и, судя по всему, не пробудила никакого интереса. Переводом занимался квалифицированный переводчик О. Петерсон. Последующие переводы публиковались на периферии, в газетах на Урале, Ростове-на-Дону и в Риге. Имя переводчика неизвестно, и маловероятно, что книги переводились со шведского. В 1900 г. в Петербурге были вновь опубликованы три новеллы: одна в ежедневной газете, вторая в популярном семейном журнале «Нива» и третья в литературном журнале «Вестник иностранной литературы». Первым опубликованным романом стало, как ни странно, не дебютное произведение «Сага о Йесте Берлинге», а «Иерусалим». Возможно, это произошло по причине актуальности романа в Швеции, кроме того он стал настоящим прорывом для Сельмы Лагерлёф. Произведение печаталось частями в журнале «Русский вестник» в 1902–1903 годах и вышло в книжной форме в издательстве Комарова в Петербурге

⁵³ По данным библиографии Государственной библиотеки иностранной литературы, «Художественная литература скандинавских стран в русской печати» (М., 1980), расширенной и сверенной с данными спецкаталога библиографического отделения Библиотеки Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Цит. по: Nikolajeva M. Selma Lagerlöf ur ryskt perspektiv, Lagerlöfstudier, 1991. S. 50.

(1902). Годом позже роман был выпущен в издательстве Поповой в Петербурге, и это издание получило большую огласку. Попова была известным издателем высококачественной иностранной литературы, в списках изданных произведений присутствовали Виктор Гюго, Эмиль Золя и многие другие.

Избранное из «Невидимых цепей» — «Королевы в Кунгахэлла» и «Легенды» вышли в книжной форме в 1905 г. под названием «Северные легенды» в издательстве Ефимова в Москве.

Все произведения Сельмы Лагерлёф периода 1900–1910 гг., беспрепятственно миновав заслоны цензуры, были выпущены в русском переводе. Большинство переводов были выполнены анонимно. На определенных изданиях можно обнаружить отметку «перевод с немецкого», а на некоторых даже с норвежского и польского. Важнейшим произведениям Сельмы Лагерлёф, можно сказать, повезло, поскольку к ним приложила руку одна из ведущих переводчиц со скандинавских языков того времени — Мария Благовещенская. Она также переводила Стриндберга, Хейденстама, Викторию Бенедиктссон, Акселя Лундгорда и других скандинавских писателей. Результатом ее трудов стали переводы книг «Чудеса антихриста» («Antikrists mirakler») в 1903 г., «Сага о Йесте Берлинге» («Gösta Berlings saga») в 1904 г., новый перевод «Иерусалима» («Jerusalem») в 1905 г., «Деньги господина Арне» («Herr Arnes penningar») и «Легенда одной усадьбы» («En herrgårdssägen») в 1908 г., «Дом Лильекруны» («Liljekronas hem») в 1912 г., «Возница» («Körkarlen») в 1913 г., «Император Португальский» («Kejsarn av Portugallien») в 1915 г. (в двух тиражах, второй выпущен в 1917 г.). Кроме того, ею было переведено большое количество новелл, опубликованных в журналах. Ее перевод «Саги о Йесте Берлинге» был опубликован в первом сборнике сочинений Лагерлёф в 1909–1911 гг. Этот впечатляющий сборник из 12 томов был напечатан на московском издательстве Саблина и содержал практически все произведения Лагерлёф, написанные до времени издания: романы, новеллы и «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона».

Романы и «Путешествия Нильса» печатались отдельными изданиями и большими тиражами. Даже небольшие собрания новелл находили интерес у читателя, например, вышедшие в 1911 г. «Рождественские новеллы» («Julnoveller») были проданы тиражом 5000 экземпляров.

Тот факт, что такое большое количество переводов одних и тех же произведений печаталось одновременно и, кроме того, на разных издательствах, объясняется отсутствием каких-либо соглашений о авторских правах между Россией и другими странами. В связи с этим, видимо, сто-

ит отметить, что Сельма Лагерлёф ни тогда, ни впоследствии не получила доходов от продаж ее русифицированных произведений.

Так или иначе, русской публике удалось почерпнуть весьма основательное представление с творчеством шведской писательницы. Новеллы публиковались зачастую в год их выхода в Швеции или на год позже. Так, например, новелла «Подменыш» («Bortbytingen») была переведена в детской газете «Мирок» за 1909 г. Оригинал был опубликован в Швеции в еженедельнике «Idun» под рождество 1908 г. Новеллу «Святая икона в Лукке» («Den heliga bilden av Lucca»), опубликованную по-шведски в издании «Рождественский вечер» («Julkvällen») в 1913 г., можно было прочесть по-русски в том же году в журнале «Нива», №51. Вышеуказанное свидетельствует о том, что и переводчики, и издатели следили за публикациями Сельмы Лагерлёф в шведских периодических изданиях.

Новеллы печатались в ежедневных и еженедельных газетах как в обеих столицах, так и в многочисленных уездных городах. Иногда провинциальные газеты шли впереди центральных.

Среди крупных петербургских газет, регулярно публиковавших новеллы Сельмы Лагерлёф, можно отметить «Биржевые ведомости». Кроме того, многочисленные журналы и газеты регулярно потчевали своих читателей произведениями шведской писательницы.

Самыми популярными среди новелл были «Легенды о Христе», выпущенные в переводе уже в 1904 г., в том же году, что и в Швеции. Весь сборник вышел как минимум в восьми изданиях с 1907 по 1916 гг., последнее из них предназначалось юному читателю.

Вторым по популярности был сборник новелл «Легенды», много раз переведенный и опубликованный в изданиях 1910, 1915 и 1917 гг. Среди новелл из сборника «Невидимые цепи» наибольшим успехом пользовалась новелла «Надгробная надпись» («Gravskriften»). «Братья» («Bröderna») и ряд других новелл вышли отдельными изданиями в так называемой «копеечной библиотеке» издательства Нонин. В серию входили такие мастера слова как Толстой, Тургенев, Чехов, Мопассан, Виктор Гюго и др., что достаточно убедительно иллюстрирует положение Сельмы Лагерлёф в русской культуре.

1909–1911 гг. были рекордными по изданию творчества Лагерлёф в России. Это неудивительно, учитывая вручение ей Нобелевской премии в 1909 г. Это событие конечно же получило внимание в прессе. Ее нобелевская речь была опубликована в «Вестнике иностранной литературы», и оба издания сборника ее сочинений пользовались большим успехом.

В 1912 г. Сельма Лагерлёф совершила поездку в Россию. Поездка не носила официального характера. Писательница была гостем семьи Нобеля в Петербурге. В ее письме к Софии Элкан (Sophie Elkan) из России нет никаких упоминаний о контактах с русскими издательствами, переводчиками или журналистами⁵⁴. Эта поездка никак не повлияла на ее популярность в России. Ее книги продолжали выпускаться до Революции. Советская власть разрешила к выпуску некоторые из новелл, но количество изданий значительно сократилось. С 1917 г. до смерти Лагерлёф было сделано всего две публикации. Последним изданием этого периода стало «Отлученный» («Bannlyst»), выпущенное в 1924 г. Оно не получило ни одной рецензии. Требования к литературе к тому времени значительно изменились и интерес к творчеству Сельмы Лагерлёф вновь проснулся только к ее столетнему юбилею.

Все переводы книг Лагерлёф активно рецензировались. Литературное приложение к «Русскому вестнику», в котором в 1902 г. был опубликован «Иерусалим», представило ее как лидера среди писательниц современной ей Швеции, таких как Нюблум (Nyblom), Агрелль (Agrell), Элкан (Elkan) и др. И это несмотря на то, что Софи Элкан в это время пользовалась наверное даже большей популярностью, чем Лагерлёф, причем как в России, так и в Швеции.

В предисловии к изданию «Сказки о сказке» в журнале «Вестник Европы» за июль 1909 г. Сельма Лагерлёф оценивается как уникам новой шведской литературы, сравнимый возможно разве что с Хайденстамом⁵⁵. В то время как все остальные шведские писатели строгие реалисты, пишет переводчица Любовь Хавкина⁵⁶, Сельма Лагерлёф возвращается романтизму и возрождает его в новых формах. Она исходит из народных сказаний и легенд и плетет яркие, красивые и необычные узоры с помощью своей богатой фантазии. Данное описание является типичным для оценок книг Лагерлёф того времени. В том же предисловии Любовь Хавкина пишет, что сила и красочность слова Лагерлёф вкупе с ее замечательными описаниями характеров перевешивают некоторые слабые стороны, каковыми она считает некоторую скудность интриги и склонность к морализированию, хотя последнее объясняется богатым педагогическим опытом Лагерлёф. По словам Хавкиной, «Сага о Йесте Берлинге» увлекательна для детей и не заставит скучать взрослых, это «блестящая характеристика шведского народа», а «Чудеса антихри-

⁵⁴ Lagerlöf S. Brev till Sophie Elkan от 12.02.1912, 22.02.1912 и 01.03.1912.

⁵⁵ Вернер Фон Хайденстам (1859–1940).

⁵⁶ Любовь Борисовна Хавкина (12 (24) апреля 1871, Харьков — 2 июня 1949, Москва) — российский теоретик и организатор библиотечного дела.

ста» отличает более яркое повествование. Уже в дебютном произведении Сельма Лагерлёф проявляет свое дарование в полной мере и оно никоим образом не хуже последующих.

В другом предисловии Любовь Хавкина подчеркивает что произведения не всех писателей настолько интересны читателям в других странах, что они достойны перевода. Но книги Лагерлёф без сомнения таковы. Они «пробуждают в людях прекрасные чувства, учат их жить в добродетели и справедливости». Своими описаниями Лагерлёф призывает читателей любить природу. Она сама любит свою родину, отлично знает ее историю и современность, и через это призывает своих читателей любить и понимать ее⁵⁷. Эти слова во многом отражают отношение критиков того времени к Сельме Лагерлёф. Такие отзывы многочисленны.

В «Вестнике литературы» 1905 г. №13 критик К. Норов в своей критической статье обсуждает причины привлекательности для русского читателя творений Лагерлёф, которая описывает малопонятный мир шведских крестьян с их своеобразными проблемами и духовными потребностями. Критик находит объяснение в том, что писательница обнаружила и описала те детали действительности, которые глубоко интересуют каждого думающего человека, вне зависимости от национальности.

В «Вестнике иностранной литературы» неизвестный критик polemизирует с утверждением Оскара Левертина⁵⁸ о проявлениях «аномальности» в произведениях Сельмы Лагерлёф. Он утверждает, что прошедшее, пережитое, забытое вновь появляется в жизни и литературе, возможно потому, что мы слишком торопимся объявлять устаревшим то, в чем еще теплится жизнь. По мнению критика, в творчестве Лагерлёф нет ничего аномального. «Пока общество занимается обсуждением вопроса о том, может ли женщина быть гениальной, появляется именно такая и создает революцию в литературе». Все эссе — одно страстное объяснение в любви писательнице.

Любопытное рассуждение обнаруживается в журнале «Современный мир» за 1909 г. № 12. Рецензент Виктор Гофман хочет дать развернутую характеристику творчества Сельмы Лагерлёф. Он критически относится к чрезмерному увлечению русского читателя того времени скандинавской литературой, т. к. эта мода притягивает большое количество посредственных писателей. Но среди таковых, по его мнению, есть дарования, которыми Скандинавия может гордиться, и в первую очередь

⁵⁷ Из предисловия к книге «Чудесное путешествие мальчика по Швеции», СПб, 1912. С. 5–6.

⁵⁸ Левертин Оскар Ивар (1862–1906), шведский писатель, литературовед.

выделяет Лагерлёф. Он считает, что после Гамсуна она должна занять первое место в современной скандинавской литературе, среди всех пишущих женщин того времени нет никого, кто писал настолько «свежо и своеобразно».

К середине 1910-х годов критики успели получить более широкое понятие о всем спектре произведений Лагерлёф и их оценки стали глубже и полноценнее. Акцент сместился с содержания к поэтике, художественным образам и психологической глубине.

Юрий Айхенвальд⁵⁹ в статье о Сельме Лагерлёф из сборника эссе «Слова о словах» (1916) ставит сказания писательницы в противопоставление циничной и безверной литературе современности, утверждая, что ее более всего интересуют не последние достижения техники, а изначальное Слово.

Все эссе Айхенвальда представляет собой непрерывную хвалу литературному таланту писательницы. Анализы текстов свидетельствуют о серьезной начитанности автора произведениями Лагерлёф. Критик почти никогда не использует названий книг, в которых публиковались рассматриваемые произведения. Из этого следует, что читатель достаточно хорошо знал, какому произведению принадлежат Хальвор⁶⁰, старая Агнета⁶¹ или Гуннар Хеде⁶².

Эссе проявляет важнейшие мотивы различных произведений Лагерлёф и следует связям между персонажами и событиями. Одним из таких является зыбкая граница между реальностью и вымыслом. Айхенвальд называет ее «неисчерпаемой кладезью фантазии», одновременно подчеркивая, что все сверхъестественные персонажи четко очерчены и поэтому трудноотличимы от реальных.

Айхенвальд также рассматривает мотив жизни и смерти. По его мнению, Сельма Лагерлёф смотрит на жизнь как нечто опасное, скучное и серое. Она всегда находит нежные слова для смерти, как «Смерть освободительница» в «Саге о Йесте Берлинге». Любовь у Лагерлёф соседствует со смертью и всегда связана с музыкой, в первую очередь в «Предании одной усадьбы». Мотив сумасшествия проявляется в двух полярных вариантах: как крайняя форма эгоизма и глубочайшая мудрость.

Сельма Лагерлёф предстает через свои книги в мире нечетких границ между фантазией и реальностью, жизнью и смертью, мудростью и

⁵⁹ Айхенвальд Юрий Исаевич (1872–1928) — литературный критик, переводчик, философ.

⁶⁰ Один из героев романа «Иерусалим» (1901–1902).

⁶¹ Героиня повести «Старая Агнета» из сборника «Легенды» (1899).

⁶² Герой книги «Предание одной усадьбы» (1899).

сумашествием, а также между безжизненным и живущим — одухотворенным. Одним из важнейших литературных приемов Лагерлёф, по мнению критика, является персонификация природы. Для Айхенвальда талант Сельмы Лагерлёф как сказительницы достоин исключительно поклонения. Все ее творчество он торжественно называет «Евангелием от Сельмы».

Самая, наверное, амбициозная работа своего времени, посвященная творчеству Лагерлёф, написана Юрием Алексеевичем Веселовским под названием «Сельма Лагерлёф: вклад в характеристику романтических мотивов ее творчества»⁶³.

Веселовский, подобно Айхенвальду, восхваляет фантазию писательницы и указывает на незаметность границ между правдой и придуманным, реальным и сказочным в ее творениях. Анализируя «Сагу о Йесте Берлинге» Веселовский отмечает влияние Вальтера Скотта, Шекспира, Гёте, а также Альмквиста⁶⁴, Бельмана⁶⁵ и Рюнеберга⁶⁶. В игре между реалистичным и романтическим Веселовский видит одну из важнейших черт творчества Лагерлёф. Для него все ее творчество — противодействие натурализму XIX века.

Веселовский подробнее рассматривает отношение Лагерлёф к природным явлениям. Пальма в «Бегстве в Египет», власть природы над людьми в «Иерусалиме», страх перед силами природы в «Императоре Португалии» ярко иллюстрируют господство природы, основанной на народных преданиях и одушевленной Лагерлёф, над человеком. Способность одушевлять природу и убедительно отображать ее можно назвать основным причиной привлекательности среди взрослых книг, которые на первый взгляд предназначены для детей.

Видения в вещие сны Веселовский называет основным романтическим мотивом в произведениях Лагерлёф, как, например, в «Иерусалиме» и «Императоре Португалии». Но сны никогда не теряют тесного контакта с реальной жизнью, что придает индивидуальный характер всем ее произведениям. Тонкий баланс между каждодневностью в «Крещении» («Dopet»), «Вакцинации» («Vaccinationen»), «Дне рождения» («Födelsedagen») и буйном разгуле фантазиями в «Императоре

⁶³ В журнале «Вестник воспитания», 1916 г., №5.

⁶⁴ Альмквист, Карл Юнас Луве (1793–1866) — шведский писатель.

⁶⁵ Бельман, Карл Микаэль (1740–1795) — шведский поэт-музыкант, считается крупнейшим поэтом Швеции до XIX века.

⁶⁶ Юхан Людвиг Рюнеберг (1804–1877) — финский писатель и поэт, писал по-шведски.

Португалии» расцениваются критиком как основное авторское достижение Сельмы Лагерлёф.

Многие из новелл Лагерлёф печатались в изданиях для детей. Многочисленные детские и юношеские издания, как например «Юный читатель», «Семья и школа», «Юная Россия», «Детский мир» и проч., печатали на своих страницах произведения писательницы, причем не только «Путешествие Нильса», но и большое количество ее «серьезных» легенд и новелл. Этот факт свидетельствует о том, что творения Лагерлёф воспринимались многими как книги для детей, несмотря на то, что юные читатели очевидно не способны увидеть и оценить истинного смысла и идей, скрытых за оболочкой повествования. Иногда ее книги рекомендовались как пример для отечественных писателей детской литературы.

Интересно, однако, упоминание о большом интересе к творчеству писательницы со стороны Марины Цветаевой. Известно, что Сельма Лагерлёф и Сигрид Унсет были среди ее любимых писателей. В переписке с Анной Тесковой Лагерлёф упоминается как большой авторитет, мастер слова и выдающаяся личность⁶⁷.

После революции 1917 г. взгляды на искусство и литературу изменились в соответствии с требованиями нового социального строя, где главный акцент падал на описания жизни «простого народа». Кроме того, литературе полагалось преследовать практические цели и воспитывать «нового, социалистического человека». Произведения Лагерлёф, очевидно, не вмещались в такие рамки.

В 1937 г. Лагерлёф была кратко представлена в списке «Антифашистские писатели мира» в декабрьском номере литературного журнала «Интернациональная литература». В статье отмечалось, что писательница в течение своей жизни отказывалась активно участвовать в каких-либо политических течениях, что в то время воспринималось исключительно в негативных тонах. Теперь же она, несмотря на склонность к смирению и филантропии, приняла решение встать в ряды борцов с фашизмом. Автор статьи также указывает, что в своих лучших произведениях писательница проявляет не только сострадание к крестьянину, но и глубокое уважение к народной культуре. Впоследствии это качество творений Лагерлёф сыграет решающую роль для восприятия ее советскими рецензентами.

В мартовском выпуске того же журнала за 1940 г. имеется заметка о смерти Сельмы Лагерлёф.

⁶⁷ Цветаева М. Письма к Тесковой, Прага, 1969.

Столетию со дня рождения писательницы в 1958 г. было уделено немало внимания. 20 ноября в Доме работников культуры в ее честь проводилось собрание в присутствии посла Швеции Рагнара Сольманса (Ragnar Sohlmans). Поэтесса Вера Инбер читала доклад, который на следующий день был напечатан в газете «Правда». Большая часть доклада была посвящена «Саге о Йесте Берлинге», кроме того упоминалось «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона». Лагерлёф получила несколько легких упреков за представления о мирном сосуществовании богатых и бедных, что, впрочем, ей было прощено за творческий вклад в мировую культуру. В докладе также отмечалось, что писательница не изолировала себя в мире искусства, а принимала активное участие в борьбе за равноправие женщин, после чего была зачитана ее речь на женском конгрессе 1911 г.

Празднование 100-летнего юбилея и доклад Веры Инбер несомненно сыграли важную роль в последующей судьбе творчества Лагерлёф в СССР. Спустя почти полвека безмолвия на читателя обрушилась лавина информации о полузабытом мастере слова, а журнал «Иностранная литература» за август 1958 г. даже объявил о создании общества Сельмы Лагерлёф.

Издание «Саги о Йесте Берлинге» 1959 г., как и издания Ремарка, Сартра, Фолкнера, Хемингуэя, Кафки и других, сопровождалось хорошо продуманными предисловиями и послесловиями, в которых внимание читателя и цензуры акцентировалось на позитивных, в пределах «социалистического реализма», деталях произведения, как, например, «достоверное отображение действительности» или выражение симпатий к «простому народу». Литературовед Александр Дойч в послесловии к данному изданию характеризует роман как «одно из самых оригинальных литературных событий второй половины XIX столетия» (с. 410), а элементы фантастики, характерные творчеству Лагерлёф, способствуют, по словам Дойча, раскрытию их поэтического и философского смысла. В завершение Дойч приводит цитату о Лагерлёф из письма Максима Горького: «Позвольте мне обратить ваше внимание на двух писательниц, которым я не знаю равных как в прошлом, так и в наши дни: Сельма Лагерлёф и Грация Деледда...»⁶⁸. Данное письмо было опубликовано в сборнике сочинений Горького в 1955 г. и сделало возможным публикацию творчества Лагерлёф в СССР.

В следующий раз издательские дома уделили внимание писательнице лишь в 1972 г., когда в Ленинграде был издан сборник, вмещавший

⁶⁸ Giordano Lokrantz, Margherita. Selma Lagerlöf ur italienskt perspektiv. Lagerlöfstudier, 1990. S. 52ff.

в себя всю «Трилогию о Лёвеншельдах». Таким образом, помимо новелл «Дядя Рубен» («Morbror Ruben») и «Принцесса Вавилонская» («Princessan av Babylonien»), изданных в 1964 г., и «Нильса Хольгерссона», «Сага о Йесте Берлинге» была в течение долгого времени единственной книгой Лагерлёф, доступной русскому советскому читателю. Предисловие к трилогии, написанное скандинавистом и переводчиком Людмилой Брауде, носит скорее описательный, чем защитительный характер. Историческое повествование Лагерлёф видимо не считалось вредоносным.

Издание получило положительные рецензии в газетах «Звезда», №10 и «Зарубежная литература», №12. Оба рецензента назвали трилогию апогеем творческого таланта Сельмы Лагерлёф, сумевшей объединить историю Швеции с глубочайшими психологическими описаниями. Они также сошлись во мнении о том, что Лагерлёф, вопреки распространенному мнению, не неоромантик, а несомненный реалист, следующий школе Стриндберга, Тургенева, Толстого и Горького и симпатизирующий «простому народу». Очевидные связи трилогии с «Деньгами господина Арне» («Herr Arnes penningar») и «Домом Лильекруны» («Liljekronas hem») остались незамеченными по причине их отсутствия в переводе. Особенности языка и стиля также остались за пределами поля зрения рецензентов.

Единственным, что появилось в печати в течение 80-х годов, стал рассказ «Подменьш» («Bortbytingen»), опубликованный в 1982 г. сначала в газете «Литературная Россия» №35, а потом, в другом переводе, в газете «Детская литература» №3. Известный подростковый писатель Анатолий Алексин представляет Сельму Лагерлёф как единственную писательницу, получившую Нобелевскую премию за книги для детей. Та же ошибка, к сожалению, обнаруживается и в послесловии Людмилы Брауде.

Начало 90-х годов можно назвать временем возобновления интереса издателей к творчеству писательницы. В период с 1991 по 1993 гг. в печать вышло собрание сочинений Сельмы Лагерлёф в четырех томах под руководством Л. Брауде. В издание вошли «Сага о Йесте Берлинге», «Деньги господина Арне», «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона», «Перстень Лёвеншёльдов», «Шарлотта Лёвеншёльд», «Анна Сверд», «Император Португальский», а также повести и рассказы.

За этими крупными изданиями последовало большое количество переизданий «Путешествий Нильса», как в оригинальной версии, так и в многочисленных пересказах для детей разных возрастов. В период с начала 1990-х годов по 2007 г. произведения Сельмы Лагерлёф вышли в

составе более 100 изданий⁶⁹, как отдельно, так и в литературных сборниках. Помимо чрезвычайно популярного «Нильса», в 2000 г. в свет вышел рассказ «Свеча от Гроба Господня» из сборника «Легенды о Христе», а в 2001 г. весь сборник был напечатан целиком.

Из самых последних изданий необходимо отметить роман «Перстень Лёвеншёльдов», выпущенный в 2007 г. издательством «Эксмо» в переводах со шведского Л. Брауде, Н. Беляковой и Ф. Золоторевской. Тогда же издательство «Лепта Книга», специализирующееся на выпуске православной литературы различных направлений, выпустило сборник «Свеча от гроба Господня».

Несмотря на общее улучшение печатного климата в последние два десятилетия, многие «серьезные» творения Лагерлёф до сих пор не вышли из забвения. Трилогия о Лёвеншёльдах, так же как и «Путешествия Нильса», достаточно хорошо известна в России. Возможно, издателям следовало бы обратить внимание на те книги, со времен перевода и издания которых прошел уже почти целый век, в частности, на романы «Иерусалим» и «Дом Лильекруны»⁷⁰, а также поздние автобиографические произведения. Появление этих и других неизданных произведений писательницы на полках книжных магазинов несомненно расширило бы знание творчества Сельмы Лагерлёф в России.

⁶⁹ По данным Российской Государственной Библиотеки, март 2008 г.

⁷⁰ Даты последнего издания: «Иерусалим» — 1911 г., «Дом Лильекруны» — 1916 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ УЧЕНОГО: НИНА ПАВЛОВНА МИХАЛЬСКАЯ

Нина Павловна Михальская — один из самых видных представителей современного отечественного литературоведения. Она родилась 26 сентября 1925 г. в Москве, в доме по адресу: Арбат, 33 (впоследствии здесь поселился Алексей Федорович Лосев, «последний великий русский философ», с которым у Н. П. Михальской установились самые тесные и деловые — он был профессором МГПИ — и человеческие отношения).

Ее отец, Павел Иванович Кузьмин, был выходцем из крестьянской семьи с Дона (Лебединь Липецкой губернии), мать, Нина Федоровна Кузьмина-Сыромятникова, происходила из крестьянской семьи с Волги, обосновавшейся в Сызрани. В начале 1920-х годов они каждый своим путем оказались в Москве, где отец стал инженером-лесоводом, а мать — воспитательницей в приютах для беспризорников, впоследствии в учреждениях для умственно отсталых детей, специализируясь в области дефектологии и став в ней крупным авторитетом (среди ее учителей были Г. И. Россолимо, имя которого носит одна из ближайших к главному корпусу МПГУ улиц, выдающийся психолог Л. С. Выготский, чьи труды приобрели мировую известность, и др.).

Так как семья пребывала то в Москве, то в Сызрани, Нина Кузьмина попала в школу только в десятилетнем возрасте, сразу в третий класс, сдав экстерном за первые два года обучения. Уже к этому возрасту, благодаря домашнему и частному обучению и воспитанию, стремлению родителей приобщить ее к достижениям культуры, она читала серьезную литературу (от Диккенса до Фрейда), хорошо знала репертуар лучших московских театров, посещала музеи, проявляла не свойственный возрасту ум, понимание как реальностей окружающей жизни, так и ее отражения в формах искусства.

Следует упомянуть, что среди школьных учителей особое влияние на Нину Кузьмину оказал преподававший литературу Николай Оскарович Корст, впоследствии профессор, заведующий кафедрой методики преподавания литературы МГПИ им. В. И. Ленина. Немаловажными были и увлечение рисованием, и особенно театром (в студии, где Нина

Кузьмина играла, ее учителем был выдающийся актер, соратник С. М. Михоэлса Вениамин Львович Зускин, к тому времени уже прославившийся исполнением роли Шута в «Короле Лире», где Шут вырос до парного образа к Лиру — Михоэлсу). Огромную роль в понимании литературы сыграло лето 1941 г., проведенное в Ясной Поляне. Чтение «Дэвида Копперфилда» с детства любимого Диккенса по экземпляру, в котором остались пометки Л. Н. Толстого, а затем «Войны и мира» навсегда определило литературные приоритеты Нины Павловны. Здесь же ее настигло известие о начале войны.

Закончив с отличием среднюю школу в Сызрани (в эвакуации), в 1944 г. Нина Кузьмина поступила на филологический факультет Московского государственного университета, только что вернувшегося из эвакуации. Она выбрала романо-германское отделение, где получила блестящее образование, обучаясь у таких выдающихся филологов, как С. И. Радциг, Л. И. Тимофеев, Н. К. Гудзий, Л. Е. Пинский, М. М. Морозов, С. М. Бонди.

Успешно закончив в 1948 г. МГУ защитой дипломной работы о творчестве Т. Гарди (под руководством Е. Л. Гальпериной) и став к тому времени Михальской (выйдя замуж за аспиранта-дефектолога МГПИ К. А. Михальского), Нина Павловна в том же году была принята в аспирантуру кафедры зарубежной литературы МГПИ им. В. И. Ленина. После короткого периода неопределенности (в стране шла кампания борьбы с космополитизмом) определились тема диссертации — исследование отдельных романов Диккенса — и научный руководитель, которым стала Мария Евгеньевна Елизарова, только что назначенная заведующей кафедрой (о М. Е. Елизаровой, выдающемся ученом и педагоге, чья жизнь была связана с МГПИ, см. раздел в настоящей книге, написанный Н. П. Михальской). В 1950 г. после блестящего доклада Н. П. Михальской на заседании Ученого совета МГПИ, посвященного 100-летию со дня рождения классика болгарской литературы Ивана Вазова, по требованию руководства вуза тема диссертации была заменена на, как считалось, более по тому времени актуальную тему, связанную с болгарской литературой, и в 1951 г., выучив болгарский язык и проведя необходимые исследования, она защитила кандидатскую диссертацию «Реализм Ивана Вазова» — работу по литературе Болгарии, сохраняющую свое значение и по сию пору. Одно из следствий диссертации — привлечение внимания специалистов и широкого круга читателей к наиболее значительному роману Вазова «Под игмом». Очевидно, не случайно именно данным романом представлена многовековая болгарская литература (проза) в

200-томном издании «Библиотека всемирной литературы» (т. 70 — М., 1970) — в этом видится вклад и диссертации Нины Павловны.

1 сентября 1951 г. в аудитории Главного корпуса на Малой Пироговской, где сейчас разместился зал заседаний Ученого совета университета, Н. П. Михальская, которая уже завершила диссертацию, прочла свою первую лекцию в качестве преподавателя кафедры зарубежной литературы МГПИ им. В. И. Ленина. Ей были поручены курсы лекций по зарубежной литературе на дефектологическом и историческом факультетах, а также на английском отделении факультета иностранных языков. Заметную часть студенческой аудитории составляли бывшие фронтовики, перед которыми молодая преподавательница чувствовала особую ответственность. Огромный объем подготовки к учебным занятиям, общественная работа, вызовы в качестве свидетеля в связи с доносами одной из преподавательниц кафедры на администрацию, партийное руководство, профессорско-преподавательский состав института, беременность — все это осложнило начало педагогической деятельности Нины Павловны. Через год появились новые трудности, хотя приятного свойства: 3 сентября 1952 г. у нее родилась дочь Анна (ныне доктор филологических наук, один из наиболее видных с нашей стране специалистов в области риторики). Но по мере преодоления трудностей выковывался характер Н. П. Михальской — ее принципиальность и бесстрашность, достоинство, чувство справедливости и ответственности, понимание скрытых мотивов поступков людей, знание жизни, ведущее к мудрости и несуетности. В ее лекциях этот характер порождал определенный стиль — четкий и лаконичный, взвешенный, обобщающий многообразие явлений, деталей литературного процесса на основе цельной литературной картины мира.

Такой подход к учебной деятельности неизбежно требовал продолжения научных исследований и обращения к научно-методической работе. Уже в следующем году в МГУ вышли вузовская программа по болгарской литературе⁷¹ и статья о Вазове⁷² — первая работа исследовательницы о русско-зарубежных литературных связях, которые станут впоследствии важным объектом ее научных изысканий. В 1954 г. появляется статья в том же направлении, но в центре внимания не зарубежный писатель, а русский, и этим писателем, естественно, стал

⁷¹ Михальская Н. П. Программа по болгарской литературе. — М.: МГУ, 1953.

⁷² Михальская Н. П. Иван Вазов и русская литература // Славянская филология. — М.: МГУ, 1953.

Л. Н. Толстой⁷³, любимый отечественный писатель Н. П. Михальской. Доклад «Толстой и Мопассан» был ею прочитан в Италии, опубликован в Милане⁷⁴, а много лет спустя в переработанном виде — в журнале «Филологические науки»⁷⁵.

В 1956 г. была опубликована первая книга Н. П. Михальской — монографическая работа об А. Мицкевиче⁷⁶ (расширяется ее интерес к славянскому миру). В 1958 г. завершена работа над разделами об американской, польской, венгерской, болгарской литературах, существенных явлениях в английской литературе, которые вошли в учебник «История зарубежной литературы XIX века»⁷⁷, выдержавший несколько изданий, — так началась обширная научно-методическая деятельность Н. П. Михальской. Молодая преподавательница, приглашенная М. Е. Елизаровой скорее для пробы на нецентральные разделы (ведь речь шла о создании учебника, по которому должны заниматься все вузы страны), так себя показала и в научном, и в методическом, и даже в организационном отношении, что продолжение работы в учебниках по зарубежной литературе XX века⁷⁸ и особенно известном — по литературе рубежа XIX–XX веков⁷⁹ потребовало ее участия в полном объеме, и они выходили под редакцией М. Е. Елизаровой и Н. П. Михальской. Уже в новой России два из трех названных учебников заменены новыми, созданными под руководством Н. П. Михальской, выступившей в них и в качестве одного из основных авторов⁸⁰.

⁷³ Михальская Н. П. Зарубежная литература XIX века в оценке Л. Н. Толстого // Уч. зап. МГПИ, т. LXXXVI. — М.: МГПИ, 1954.

⁷⁴ Михальская Н. П. Лев Толстой-переводчик Мопассана // Художественный перевод с русского на романские языки и с романских на русский. — Милан, 1979.

⁷⁵ Михальская Н. П. Лев Толстой-переводчик Мопассана // Филологические науки, 2004. № 1.

⁷⁶ Михальская Н. П. Творческий путь Адама Мицкевича. — М.: МГПИ, 1956.

⁷⁷ История зарубежной литературы XIX века / Под ред. проф. М. Е. Елизаровой. — М.: Просвещение, 1958. (2-е изд. 1961; 3-е изд. 1970; 4-е изд. 1972).

⁷⁸ Курс лекций по истории зарубежной литературы XX века / Под ред. М. Е. Елизаровой и Н. П. Михальской. — М.: Высшая школа, 1965.

⁷⁹ История зарубежной литературы конца XIX — начала XX в.: Курс лекций / Под ред. М. Е. Елизаровой и Н. П. Михальской. — М.: Высшая школа, 1970.

⁸⁰ История зарубежной литературы XIX века: В 2-х ч. / Под ред. Н. П. Михальской. — М.: Просвещение, 1991; Зарубежная литература. XX век: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 032900 «Русский язык и литература» / Авт.: Н. П. Михальская, В. А. Пронин и др.; Под общ. ред. Н. П. Михальской. — М.: Дрофа, 2003.

В научном отношении ее по-прежнему занимало творчество Ч. Диккенса, любимого с детства. Статья о Диккенсе⁸¹, а затем и монография о нем⁸² (много лет спустя вышедшая в новой редакции⁸³) знаменовали возвращение к нереализованной теме кандидатской диссертации.

Важнейшее событие в профессиональном и личном плане — длительная стажировка в Англии (1961–1962). Здесь были приобретены исключительно ценные знания об английской литературе и культуре, особенно в труднодоступной тогда для советского ученого области изучения английского модернизма, состоялась хотя и короткая, но знаковая личная встреча с крупнейшим англо-американским поэтом XX века Томасом Стернзом Элиотом.

Стажировка в Англии помогла определиться с темой докторской диссертации. В 1966 г. в издательстве «Высшая школа» вышла монография Н. П. Михальской «Пути развития английского романа 1920–1930-х гг. Утрата и поиски героя»⁸⁴. 4 марта 1968 г. в Ленинской аудитории Главного корпуса МГПИ им. В. И. Ленина состоялась защита докторской диссертации на эту тему⁸⁵. В аудитории собралось несколько сот человек — крупнейшие литературоведы столицы, преподаватели, аспиранты, студенты; одних привлекала необычная, по тем временам смелая тема диссертации, других — личность соискательницы. И в том числе скандально молодой возраст: 42 года. Председатель совета профессор А. И. Ревякин был ее старше на четверть века. Правда, он и сам защитил докторскую диссертацию в 44 года, но это было в годы войны, смешавшей все научные традиции. Официальный оппонент по диссертации А. А. Аникст был одним из преподавателей Н. П. Михальской в МГУ, но защитил докторскую диссертацию лишь за 5 лет до ее защиты. Заметно старше ее были другие официальные оппоненты — С. А. Орлов и З. Т. Гражданская, а также члены совета, которым предстояло тайно голосовать за присуждение докторской степени. Следует учитывать, что в те времена в гуманитарных областях приличным для докторской защиты считался возраст около 60 лет, защита рассматривалась как итог деятельности ученого, его многолетних исследований, большого (не менее

⁸¹ Михальская Н. П. Диккенс в оценке современной прогрессивной критики // Уч. зап. МГПИ, т. СXXX. — М.: МГПИ, 1958.

⁸² Михальская Н. П. Чарльз Диккенс. — М.: Учпедгиз, 1959.

⁸³ Михальская Н. П. Чарльз Диккенс. Биография писателя. — М.: Просвещение, 1987.

⁸⁴ Михальская Н. П. Пути развития английского романа 1920-1930-х гг. Утрата и поиски героя. — М.: Высшая школа, 1966.

⁸⁵ Михальская Н. П. Пути развития английского романа 1920–1930-х годов: Дис... доктора филологических наук. — М.: МГПИ, 1968.

40 п. л.) объема публикаций в центральных изданиях, именно объем и авторитетность публикаций становились мерилем достижений ученого-гуманитария. Надо отдать должное оппонентам и членам совета: они поддержали исследовательницу, искомая ученая степень была присуждена. Огромная аудитория взорвалась аплодисментами.

Для решения диссертационного совета были все объективные основания. В диссертации была предложена оптимальная для докторских диссертаций по литературоведению модель исследования современного литературного процесса: масштаб объекта (национальная литература в рамках обозримого периода; в ней — определенный жанр), масштаб предмета (в данном случае — пути развития жанра), инструмент анализа предмета (таковым оказывается проблема героя и категория характера, ибо «в творчестве романиста концепция человека является фактором первостепенной значимости»⁸⁶), структура исследования (от наиболее характерных феноменов эпохи к менее характерным, представленным как возможная перспектива). Последнее потребовало от Н. П. Михальской, вопреки освященной идеологией эпохи традицией, на первое место поставить модернистов, второй раздел посвятить реалистам, завершающий третий раздел отвести немногочисленным проявлениям социалистического реализма и близких к нему эстетических модификаций. Впервые в советских исследованиях по зарубежной литературе XX века особое внимание было уделено модернизму, тогда еще мало исследованному и непосредственно перед защитой, в первой половине 60-х годов, ставшему объектом ожесточенной дискуссии с Западом, носившей во многом не литературоведческий, а идеологический характер. Достаточно напомнить, что с творчеством Ф. Кафки русский читатель познакомился только в 1965 г., роман М. Пруста «В поисках утраченного времени» и роман Д. Джойса «Улисс», анализируемый в диссертации, были переведены в 30-х годах лишь до середины — так выглядела возможность освоения русским читателем основополагающих текстов «отцов модернизма». Новизна исследуемого материала, введение в отечественную науку, в круг научного обсуждения большого количества текстов и писательских индивидуальностей (например, творчества почти неизвестного у нас тогда Э. М. Форстера, причем при его жизни) — еще одна заслуга Н. П. Михальской как автора диссертации.

Модель докторского исследования, предложенная Н. П. Михальской, оказалась плодотворной. Яркое подтверждение — использование этой же модели в докторской диссертации З. И. Кирнозе, посвященной

⁸⁶ Михальская Н. П. Пути развития английского романа 1920–1930-х годов: Автореф. дис... доктора филологических наук. — М.: МГПИ, 1968. — С. 3.

французскому роману 20–30-х годов XX века, в докторской диссертации С. В. Сапожкова, посвященной русской поэзии 1890-х годов, в докторской диссертации Е. Н. Черноземовой, посвященной английской драматургии 80–90-х годов XVI века, в целом ряде других работ, внесших ценный вклад в литературоведение.

В 1968 г. Е. М. Елизарова выдвинула на свое место заведующей кафедрой зарубежной литературы кандидатуру Н. П. Михальской. Это был замечательный жест и вместе с тем очень обоснованное решение, учитывающее стойкий, негибкий, волевой характер, выкованный жизненными трудностями, принципиальность и нравственность, высокий уровень научных достижений, преподавательского мастерства и экстраординарные организаторские способности Нины Павловны. На 22 года она возглавила кафедру зарубежной литературы, необычайно сложный коллектив, поначалу еще не отошедший от бурь, обрушившихся на нее в период гонений на космополитизм, где Е. М. Елизарова была фактически первым руководителем, не подвергшимся репрессиям. Следует учитывать, что кафедра зарубежной литературы всегда была небольшой по составу, так как курс зарубежной литературы в филологическом образовании занимает довольно скромное место, но зато это была элитарная кафедра, так как работа на ней требует знания иностранных языков, не одной, а многих национальных литератур, в том числе глубокого знания русской литературы и русско-зарубежных литературных связей, представления о теории литературы не только в отечественном варианте, а и в ее вариантах, популярных в других странах мира, ориентации не только в отечественной, но и в мировой истории, культурологии, психологии, философии. Такие требования, если они хотя бы в какой-то мере реализованы, иногда порождают преувеличенную самооценку преподавателей, даже аспирантов, и успешно руководить такой кафедрой может только тот, кто соответствует ее высоким требованиям и при этом в чем-то очень важном, принципиальном превосходит всех других ее членов.

Это превосходство Н. П. Михальской чувствовалось на любом заседании кафедры. Она ввела в практику развернутое заключительное слово заведующего после каждого научного или научно-методического доклада. Это заключительное слово, подводившее итог развернутому коллективному обсуждению, когда корифеи кафедры, казалось бы, уже все сказали, всякий раз оказывалось неожиданным не только в плане обстоятельного знания конкретной проблемы и материала, но, и прежде всего, в плане принципиальных обобщений, уровень которых даже и не затрагивался в других выступлениях. И для самой заведующей это была

замечательная школа, в ее выступлениях закреплялось главное качество ее научного мышления — концептуальность.

Следует учитывать, что на заведующего кафедрой ложится груз организационной работы: подбор кадров, планирование и отчеты, распределение учебной и общественной нагрузки, замены заболевших преподавателей, набор в аспирантуру, связь со школой, участие в работе многочисленных советов, в том числе Ученых советов факультета и института, руководство диссертационным советом, представительство в научно-методических советах министерства, центральных издательств, ответственная партийная работа... Возникает неизбежный дефицит времени. Но поразительная личная организованность не приводит к экономии времени за счет семьи, посещения театров и музеев, преподавания (Нина Павловна читает основные курсы на факультете, лекции для аспирантов и слушателей ФПК, то есть работа становится все более ответственной). На некоторое время страдает научная работа, но она тоже становится более ответственной, связанной с публикациями в 3-ем издании Большой советской энциклопедии⁸⁷, в самом авторитетном филологическом журнале страны — «Филологические науки»⁸⁸.

Факультет русского языка и литературы по достоинству оценил эту поразительную способность Н. П. Михальской справляться с огромным объемом нагрузки без ущерба для каждого из видов деятельности и в 1972 г., в год 100-летия МГПИ, избрал ее деканом факультета без освобождения от поста заведующего кафедрой. На 11 лет Нина Павловна стала лидером крупнейшего факультета, располагающегося в Главном корпусе МГПИ, и следовательно, если выразиться образно, лицом института. Прекрасным лицом. Факультет выступал как единое целое, он имел ясную стратегию и успешную тактику развития, сохранил лучшие традиции и кадры, был открыт новым идеям и людям, занял ведущее место в институте не только по своему положению и размерам, но и по результатам учебной и научной деятельности: впервые на факультете работало 60 докторов наук, многих из которых взрастил сам факультет. Он стал не только номинально, но и реально ведущим филологическим факультетом системы высшего педагогического образования страны, по ряду показателей опередил филологический факультет МГУ и других университетов. В 1975 г. Н. П. Михальская была удостоена почетного звания «Заслуженный деятель науки СССР».

⁸⁷ Напр.: Михальская Н. П. Великобритания: Литературоведение // БСЭ. Изд. 3.— М.: СЭ, 1971. — Т. 4.

⁸⁸ Напр.: Михальская Н. П. Два романа Вирджинии Вулф // Филологические науки. 1972. № 1.

И в том же году в издательстве «Высшая школа» вышел в свет написанный ею совместно со вторым мужем, Геннадием Викторовичем Аникиным, доктором филологических наук, работавшим в ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, учебник для вузов «История английской литературы»⁸⁹. Это результат работы двух любящих и понимающих друг друга людей, составивших исключительную семью и вместе с тем плодотворный научный коллектив. Главная отличительная черта их учебника — почти полное концептуальное и стилистическое единство. Членение материала осуществлено по эпохам (средние века, эпоха Возрождения), начиная с XVII века — по векам с выделением в особый раздел литературы рубежа XIX–XX века. Обзоры, в которых раскрывается общий ход развития литературного процесса, чередуются с персоналиями. Таких персоналий в учебнике около 70.

За учебником стоит огромная научно-исследовательская работа, это не популяризация достигнутого другими учеными, а во многом плод научного анализа, изложенный в доступной студентам, предельно лаконичной, без игры сложными и непонятными терминами, форме. Поэтому учебник, на котором возвращено несколько поколений отечественных англичанов, одновременно выступает как важный научный источник.

Приведем лишь один пример. В учебник введен раздел «Предромантизм». Был такой раздел и в академической «Истории английской литературы», и в учебнике А. А. Аникста. Но его работа популяризовала соответствующий раздел из академической истории, написанный таким авторитетным специалистом, как В. М. Жирмунский, и тогда не вызывавший никаких возражений со стороны других ученых. А на 1970-е годы, когда писался учебник Г. В. Аникина и Н. П. Михальской, как раз приходится пик научных споров о самой правомерности понятия «предромантизм», и во главе противников его использования в науке оказался С. В. Тураев, не только занимавший видное место среди ученых ИМЛИ, но и поставленный министерством во главе научно-методического совета, определявшего содержание вузовских программ по зарубежной литературе для всей страны. Так что включение раздела о предромантизме в учебник Г. В. Аникина и Н. П. Михальской стало фактом участия в научной полемике и — больше того — проявлением нонконформизма и в науке, и в жизни. Но даже для тех ученых, кто позволял себе говорить о предромантизме, не был разрешен вопрос о том, как относиться к предромантизму — как разновидности сентиментализма или как к какому-то другому явлению. Авторы нашли необычайно

⁸⁹ Аникин Г. В., Михальская Н. П. История английской литературы. — М.: Высшая школа, 1975. (2-е изд. 1985; 3-е изд. М.: Академия, 1998).

простую и емкую формулу, занимающую в учебнике три строки: «В предромантизме проявляются черты, отличающие его от классицизма и сентиментализма. Рационалистической эстетике классицизма противостоит поэтизация эмоционального начала»⁹⁰.

Позже один из лучших аспирантов Н. П. Михальской, а ныне ректор Самарского государственного педагогического университета И. В. Вершинин положил этот тезис в основу своей докторской диссертации «Предромантические тенденции в английской поэзии XVIII века и “поэтизация” культуры», защищенной в Санкт-Петербурге в 2003 г.

Забегая вперед, следует отметить, что последний на сегодняшний день большой труд Н. П. Михальской — глубокая переработка этого учебника, уже во 2-м и 3-м изданиях претерпевавшего изменения без участия ушедшего из жизни в 1982 г. Г. В. Аникина. Теперь это создание одного автора — Н. П. Михальской⁹¹. Она оказывается, по-видимому, единственным человеком в России, в голове которого хранится цельное представление об истории английской литературы от возникновения до наших дней.

Смерть Геннадия Викторовича до основания потрясла все существо Нины Павловны. Навалившееся горе мешает сосредоточиться на работе. В 1983 г. она решает уйти с поста декана факультета и рекомендует к избранию на эту должность своего ученика — автора этих строк. Позже, в 1990 г., она передает в те же руки заведывание кафедрой зарубежной литературы, оставшись на кафедре профессором. Депрессия была уже преодолена, в 1988–1989 гг. состоялась длительная командировка в Англию с научными целями. Но в памяти Нины Павловны жил удивительный человеческий пример — поступок М. Е. Елизаровой, передавшей ей когда-то руководство кафедрой.

Изменилось название кафедры — она стала кафедрой всемирной литературы (хотя для Нины Павловны более приемлемо было название «кафедра всеобщей литературы»), изменилось название факультета — он стал филологическим факультетом, изменилось название института — он стал Московским педагогическим государственным университетом. Затем изменилось название страны — сначала СНГ, потом Россия, окруженная ближним зарубежьем — бывшими республиками СССР. Изменилось время.

⁹⁰ Аникин Г. В., Михальская Н. П. История английской литературы / 2-е изд., перераб. и испр. — М.: Высшая школа, 1985. — С. 148.

⁹¹ Михальская Н. П. История английской литературы. — М.: Академия, 2006.

Изменилось и личное время Нины Павловны. Больше можно было заниматься воспитанием внуков Алексея и Николая, а с какого-то момента — и правнука Андрея.

Уход с руководящих постов обычно воспринимается как закат. Но освобождение от неисчислимых обязанностей декана и заведующего кафедрой приводит к новому расцвету Н. П. Михальской как ученого, создателя учебных пособий для школы, организатора науки и образования.

Невероятна ее продуктивность в деле создания комплекса учебных пособий для школы по зарубежной (всеобщей) литературе. За десятилетие (1995–2005) таких книг вышло около 20 (с переизданиями). Комплекс этих книг, включающий книги для чтения, хрестоматии, книги для учителя, вошел в практику преподавания литературы в школе по всей стране.

Новые аспекты возникают в научной деятельности Н. П. Михальской. Под ее руководством в целом было подготовлено более 60 кандидатов наук, около 10 докторов наук, и именно в последний период эта работа ведется особенно интенсивно. Среди тех, кого она вывела к вершинам науки, блестящие ученые И. В. Вершинин и М. И. Никола, В. П. Трыков и С. П. Толкачев, многие другие ученики, ставшие руководителями университетов и кафедр, академиками международных и российских академий, заслуженными деятелями науки Российской Федерации. По инициативе Н. П. Михальской и при активном участии целого ряда профессоров кафедры (И. О. Шайтанов, Е. Н. Черноземова, М. И. Никола, В. Н. Ганин, Н. И. Соколова и др.) была создана Ассоциация преподавателей английской литературы, которую она возглавила. В настоящее время эта ассоциация является членом европейского общества англистов «ESSE».

Но самое большое внимание Нина Павловна, передав бразды правления кафедрой, уделила научному определению ее коллектива, укреплению ее традиций. Вместе с новым заведующим кафедрой она приступает к оформлению научной школы кафедры всемирной литературы МПГУ, которая получила широкую известность под названием Пуришевская научная школа. Был найден механизм консолидации представителей этой школы — проведение ежегодных Пуришевских чтений (в 2006 г. прошла уже 18-я конференция, каждая из них собирает более сотни участников со всей страны и из-за рубежа).

Б. И. Пуришев в период своей деятельности (конец 20-х — конец 80-х годов) не заявлял о своей приверженности какому-либо литературоведческому методу, был в стороне от дискуссий о различных подходах

в науке. Его интересовала проблема мировой литературы в контексте культуры, и применительно к характеристике этого взаимодействия он одним из первых разработал ряд историко-теоретических понятий (барокко, рококо в литературе и др.), обратился к обширному пласту литературных явлений второго ряда (например, к малоизвестным немецким писателям XV–XVII веков), к тем великим писателям, которые осуществляли в своем творчестве художественный синтез (прежде всего — к Гёте, к писателям европейского Возрождения). Нечто подобное можно сказать и о М. Е. Елизаровой, которая также рассматривается как один из основателей школы. Ее труды содержат глубокий анализ русско-зарубежных литературных связей, особенно значимы ее исследования, устанавливающие мировое значение творчества А. П. Чехова. И Б. И. Пуришев, и М. Е. Елизарова подготовили множество аспирантов, ставших продолжателями их дела. Однако научная школа выделяется по признаку единства концепции, то есть по специфической для школы теории, а основатели школы избегали ее формулировать. Эта задача легла на плечи соратников и учеников основателей школы, прежде всего — на Н. П. Михальскую.

Первая крупная заявка на новую концепцию была ею сделана в докторской диссертации, так решительно поддержанной Б. И. Пуришевым и М. Е. Елизаровой. Было показано, что жанр романа претерпевает изменения в зависимости от художественного метода: романы модернистов по ряду признаков значительно отличаются от романов реалистов. Но материал диссертации, где рассматривался только один жанр, не позволил уже здесь сделать более общий вывод (пример следования заветам учителей: теоретические выводы не должны опережать изучение конкретного материала). За следующее десятилетие (прежде всего благодаря работе над «Историей английской литературы») такой материал появился. Можно было сформулировать литературоведческий закон: «Жанр в литературе Нового и Новейшего времени испытывает принципиальные трансформации под влиянием художественных методов». Н. П. Михальская могла посвятить этому закону статью или даже монографию. Но она поступила по-другому, и выбранный ею путь раскрывает ее как создателя научной школы: она подарила идею всему коллективу кафедры, предложив выпустить сборник «Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе», выступив его составителем и ответственным редактором. Таких сборников (иногда с вариацией названия) с 1977 по 1986 гг. вышло десять. В них печатали свои статьи Н. П. Михальская, Ю. М. Кондратьев, Г. Н. Храповицкая, И. О. Шайтанов, преподаватели кафедры, аспиранты, представители других вузов. Сборники обсуждались

на заседаниях кафедры, где их всецело поддерживал Б. И. Пуришев: ведь в неявном виде идея взаимосвязи метода и жанра вытекала из его трудов по зарубежной литературе. Так оформилась и овладела сознанием коллектива кафедры, формирующегося в научную школу, первая объединяющая всех теоретическая концепция.

В 1981 г. к ней добавилась вторая концепция, когда вышел в свет кафедральный сборник «Переходные эстетические явления в литературном процессе XVIII–XX веков» под редакцией Н. П. Михальской. Переходные явления были известны давно, но выступали скорее помехой для создания истории литературы, так как они не вписывались в ее традиционную схему, построенную учеными на основании определенной методологии, согласно которой следует изучать наиболее зрелые формы литературных феноменов. Между тем, Б. И. Пуришев именно поэтому избегал жесткой терминологии, что изучал, как правило, переходные явления. Н. П. Михальская, прояснив теоретический аспект такого подхода, снова подарила идею кафедре, что привело к новому сплочению научной школы вокруг оригинальной концепции и масштабным исследованиям, вылившимся в докторские и кандидатские диссертации, защищенные в последующие четверть века.

Третья объединяющая идея, вылившаяся в сборник «Взаимодействие жанров в художественной системе писателя» под редакцией Н. П. Михальской, вышедший в 1982 г., совершила определенный прорыв в литературоведческой теории жанра. Суть идеи: развитие литературы как история жанров (важнейшая мысль М. М. Бахтина) — формулировка недостаточная, нужно говорить о смене жанровых систем, при этом простейшей жанровой системой выступает совокупность жанров в творчестве отдельного писателя, что предполагает наличие более сложных систем в направлениях, школах и т. д.

В 1983–1985 гг. вышли первые три тома академической «Истории всемирной литературы», задуманной в девяти томах. Работа над изданием шла более двадцати лет и дала первые результаты только тогда, когда во главе высококвалифицированного коллектива встал ученик Б. И. Пуришева Ю. Б. Виппер, тогда член-корреспондент, а впоследствии академик АН СССР. Ю. Б. Виппер, идя по стопам Б. И. Пуришева, почти не коснулся теоретической основы издания, предварив первый том небольшой статьей с подчеркнута скромным названием «Вступительные замечания». Но формирующаяся Пуришевская научная школа была подготовлена предыдущей объединительной работой для вскрытия существа новой концепции, сменившей развиваемый прежними руководителями издания Н. И. Конрадом и И. Н. Неупокоевой типологический под-

ход. Н. П. Михальская и автор данной статьи опубликовали развернутую рецензию на первые три тома издания в журнале «Филологические науки»⁹², в которой раскрыли логику в теоретическом плане не проявленного, но в материалах томов убедительно представленного нового методологического подхода, который в статье определялся как историко-теоретический подход. Этот подход дал новый терминологический аппарат, учитывающий историческую изменчивость содержания терминов, что, в частности, позволило выявить и изучить целый класс эстетических явлений — переходные эстетические явления. Ю. Б. Виппер поблагодарил авторов за разъяснение ему самому сути его методологии, понятие «историко-теоретический подход» широко вошло в филологию. Но статья стала важной вехой и в развитии Пуришевской научной школы: прежде существовавшие по отдельности теоретические концепции объединились в стройную методологию, и можно было сказать, что школа Пуришева — это группа филологов, объединенных историко-теоретическим подходом.

Однако основатели школы Б. И. Пуришев и М. Е. Елизарова не случайно избегали теоретических построений. Историко-теоретический подход многое раскрывает в их деятельности, но далеко не все. Такой подход хорошо объясняет их обзорные работы, описывающие ход литературного процесса. Но таких работ не так уж много. В основном ученые уделяли внимание персоналиям, причем персоналиям крупнейшим: Шекспир, Гёте, Чехов... Н. П. Михальская поступала точно также в докторской диссертации, без какого-либо теоретического обоснования представив модернизм в виде творчества Д. Джойса (гл. 1), В. Вулф (гл. 2), Д. Г. Лоуренса (гл. 3), а реализм в виде критического наследия Г. Уэллса (гл. 4), эстетики Д. Голсуорси (гл. 5), романов Э. М. Форстера (гл. 6) и Р. Олдингтона (гл. 7), оставив главу 8 для обзора литературно-критического наследия нового поколения прогрессивных писателей.

Линия на выделение персоналий, в целом противоречащая историко-теоретическому подходу, имеющему отношение к общему ходу литературного процесса, была продолжена ею и в последних работах.

Примером может служить книга Н. П. Михальской «Десять английских романистов»⁹³. Под ее же редакцией вышел обширный биобиблио-

⁹² Михальская Н. П., Луков Вл. А. [Рец. на изд.:] История всемирной литературы. Т. 1–3. — М.: Наука, 1983–1985 // Филологические науки. — 1986. — № 4. — С. 84–88.

⁹³ Михальская Н. П. Десять английских романистов: Моногр. — М.: Прометей, 2003.

лиографический словарь «Зарубежные писатели»⁹⁴ — своего рода итог деятельности кафедры в этом направлении (статьи самой Н. П. Михальской, а также В. Н. Ганина, М. И. Никола, Н. И. Соколовой, В. П. Трыкова, Г. Н. Храповицкой, Е. Н. Черноземовой, И. О. Шайтанова и др.).

Уже не итогом, а возможной перспективой можно считать выпущенный в 2003 г. коллективом авторов под редакцией Н. П. Михальской вузовский учебник «Зарубежная литература. XX век»⁹⁵, где, как отмечал в своей докторской диссертации выдающийся современный прозаик С. Н. Есин, чуть ли не впервые на его памяти при изложении литературного процесса новейшего периода материал представлен не по направлениям (экспрессионизм, сюрреализм, постмодернизм и т. д.), а по авторам (Марсель Пруст, Джеймс Джойс, Бертольт Брехт, Габриель Гарсиа Маркес и т. д.). «Кому-то это может показаться старомодным, мне же представляется это самым настоящим новаторством, за которым просматривается какая-то новая концепция, учитывающая принципиальное значение авторской индивидуальности в литературе», — отмечает С. Н. Есин⁹⁶.

И внимание Б. И. Пуришева и М. Е. Елизаровой к персоналиям, и представление через персоналии модернизма и реализма в докторской диссертации Н. П. Михальской, и 70 писателей, выделенных в «Истории английской литературы», и монументальное собрание литературных портретов и справок «Зарубежные писатели», и учебник «Зарубежная литература. XX век», построенный по персональному признаку, и «Десять английских романистов» — все эти работы, нарушающие принципы историко-теоретического подхода, находят неожиданное и полное обоснование с точки зрения получившего в последнее время широкое признание общегуманитарного тезаурусного подхода, истоки которого, как теперь выясняется, также лежат в истории развития научной школы Пуришева — Елизаровой — Михальской и который соединяется с историко-теоретическим подходом по общенаучному принципу дополнительности. Более того, труды Н. П. Михальской становятся прообразом еще не созданной, но наметившейся особой «параллельной» истории литера-

⁹⁴ Зарубежные писатели: Библиографический словарь: В 2 ч. / Под ред. Н. П. Михальской. — М.: Просвещение, 1997; переработанное и расширенное издание: Зарубежные писатели: Библиографический словарь: В 2 ч. / Под ред. Н. П. Михальской. — М.: Дрофа, 2003.

⁹⁵ Зарубежная литература. XX век / Н. П. Михальская, В. А. Пронин, Е. В. Жаринов и др.; под общ. ред. Н. П. Михальской. — М.: Дрофа, 2003.

⁹⁶

туры — не как истории развития литературного процесса, а как истории персональных моделей литературы.

Трудно сказать, как Нина Павловна отнесется к такой идее. Но она всегда открыта новому, потому что сама это новое создает. Завершающий пример должен это качество — креативность — особо высветить. Одна из недавних работ Н. П. Михальской — монография «Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв.»⁹⁷, переизданная в 2003 г.⁹⁸ Эта работа ценна не только проведенным в ней глубоким исследованием, но и самой темой. Собственно, это очередной подарок Нины Павловны, только теперь не кафедре, а всей стране. В 2005 г. Правительство РФ через Российский гуманитарный научный фонд объявило приоритетным направление для научных проектов, озаглавленное так: «Образ России в современном мире». Речь идет об изучении истории и существующего на сегодняшний день положения вещей в восприятии нашей страны, народа, культуры в различных регионах мира, с тем чтобы оказать воздействие на формирование позитивного образа России и русских. Вот как ставится вопрос. Вопрос стратегический. Он вписывается в проблематику имиджологии, разрабатываемую в названных работах. И можно с уверенностью сказать, что труды Нины Павловны Михальской сыграют в его решении не последнюю роль.

Основные работы Н. П. Михальской

Диссертации

Михальская Н. П. Реализм Ивана Вазова: Дис... кандидата филологических наук. — М.: МГПИ, 1951.

Михальская Н. П. Пути развития английского романа 1920–1930-х гг.: Дис... доктора филологических наук. — М.: МГПИ, 1968.

Монографии, книги

Михальская Н. П. Творческий путь Адама Мицкевича. — М.: МГПИ, 1956.

Михальская Н. П. Чарльз Диккенс. — М.: Учпедгиз, 1959.

Михальская Н. П., Гритчук М. А. Английская литература новейшего времени. — М.: МГПИ, 1960.

Михальская Н. П. Пути развития английского романа 1920–1930-х гг. Утрата и поиски героя. — М.: Высшая школа, 1966.

⁹⁷ Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. — М.: МПГУ, 1995.

⁹⁸ Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. / 2-е изд. — М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2003.

Михальская Н. П. Чарлз Диккенс. Биография писателя. — М.: Просвещение, 1987.

Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. — М.: МПГУ, 1995. (2-е изд.: М.: Литературный ин-т им. А. М. Горького, 2003).

Михальская Н. П., Дудова Л. В. Психолого-педагогические аспекты гуманизации высшего образования. — М.: МПГУ, 1998.

Михальская Н. П. Десять английских романистов. — М.: Прометей, 2003.

Михальская Н. П. Течет река... М.: Литературный ин-т им. А. М. Горького, 2005.

*Учебники, учебные пособия для вузов и школ, книги
(автор, составитель, ответственный редактор)*

История зарубежной литературы XIX века / Под ред. проф. М. Е. Елизаровой. — М.: Просвещение, 1958. [Разделы.] (2-е изд. 1961; 3-е изд. 1970; 4-е изд. 1972).

Курс лекций по истории зарубежной литературы XX века / Под ред. М. Е. Елизаровой и Н. П. Михальской. — М.: Высшая школа, 1965. [Разделы.]

История зарубежной литературы конца XIX — начала XX в.: Курс лекций / Под ред. М. Е. Елизаровой и Н. П. Михальской. — М.: Высшая школа, 1970. [Разделы.]

Аникин Г. В., Михальская Н. П. История английской литературы. — М.: Высшая школа, 1975. (2-е изд. 1985; 3-е изд. 1998).

Зарубежная литература XX века. Хрестоматия: В 3-х т. / Под ред. Н. П. Михальской и Б. И. Пуришева. — М.: Просвещение, 1980–1986 (2-е изд. 1-го тома, стереотипн. — 1981). [Разделы.]

Практические занятия по зарубежной литературе / Под ред. Н. П. Михальской и Б. И. Пуришева. — М.: Просвещение, 1981. [Статьи.]

История зарубежной литературы XIX века: В 2-х ч. / Под ред. Н. П. Михальской. — М.: Просвещение, 1991. [Разделы.]

Михальская Н. П. В плаванье к далеким берегам. Зарубежная литература. 5 класс. Книга для семейного чтения. — М.: Просвещение, 1995.

Михальская Н. П. Всеобщая литература: Учебная книга для 7 класса гимназии. — М.: Рекорд, 1996. (2-е изд. 2000).

Михальская Н. П. Всеобщая литература: Хрестоматия для 7 класса гимназии. — М.: Рекорд, 1996. (2-е изд. 2000).

Михальская Н. П. Методические рекомендации к урокам по всеобщей литературе. 7 класс. — М.: Рекорд, 1996.

Михальская Н. П. Всеобщая литература: Учебная книга для 8 класса гимназии. — М.: Рекорд, 1996. (2-е изд. 2000).

Михальская Н. П. Всеобщая литература: Хрестоматия для 8 класса гимназии. — М.: Рекорд, 1996. (2-е изд. 2000).

Зарубежные писатели: Биобиблиографический словарь: В 2-х ч. / Под ред. Н. П. Михальской. — М.: Просвещение, 1997. (новое изд., перераб. и доп.: М.: Дрофа, 2003). [Статьи.]

Михальская Н. П. Всеобщая литература: Учебная книга для 9 класса гимназии. — М.: Рино, 1998.

Михальская Н. П. Всеобщая литература: Хрестоматия для 9 класса гимназии. — М.: Рино, 1998.

Михальская Н. П. Преподавание всеобщей литературы в 8 классе. Методические рекомендации. — М.: РИНО, 1998.

Дудова Л. В., Михальская Н. П., Трыков В. П. Модернизм в зарубежной литературе: Литература Англии, Ирландии, Франции, Австрии, Германии: Уч. пособие. — М.: Флинта; Наука, 1998. (2-е изд. 2000; 3-е изд. 2001).

Михальская Н. П. Преподавание всеобщей литературы в 9 классе. Методические рекомендации. — М.: РИНО, 1999.

Зарубежная литература XX века: Практикум: Для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов и учащихся старших классов гуманитарного профиля / Составление и общ. редакция Н. П. Михальской и Л. В. Дудовой. — М.: Флинта; Наука, 1999. (2-е изд. 2001).

Михальская Н. П. Зарубежная литература. Учебник-хрестоматия. 5–7 классы: Для школ и классов с углубленным изучением предметов гуманитарного цикла, гимназий и лицеев. — М.: Дрофа, 2000. (2-е изд. 2002).

Михальская Н. П. Зарубежная литература. 8–9 классы: Учебник-хрестоматия для школ и классов с углубленным изучением предметов гуманитарного цикла, гимназий и лицеев. — М.: Дрофа, 2002.

Зарубежная литература. XX век: Учебник для студентов высших учебных заведений / Под общ. ред. Н. П. Михальской. — М.: Дрофа, 2003. [Разделы.]

Михальская Н. П. Зарубежная литература. Учебник-хрестоматия. 10-11 классы. В 2-х частях. Для школ и классов с углубленным изучением предметов гуманитарного цикла, гимназий и лицеев. — М.: Дрофа, 2004.

Михальская Н. П. История английской литературы: Учебник для вузов. — М.: Дрофа, 2006.

*Предисловия, послесловия, комментарии
к произведениям зарубежных писателей*

Михальская Н. П. Юмористические рассказы Стивена Ликока // Ликок С. Рассказы. — М.: 1960.

Михальская Н. П. Рассказы Альфреда Коппарда // Коппард А. Рассказы. — М.: 1961.

Михальская Н. П. Эдвард Морган Форстер и его роман «Поездка в Индию» // Forster E. M. A Passage to India. — М.: 1965.

Михальская Н. П. «Сага о Форсайтах» Джона Голсуорси // Galsworthy J. The Forsyte Saga. — М.: 1974.

Михальская Н. П. Рассказы Мюриэл Спарк // Спарк М. Рассказы. — М.: Прогресс, 1976.

Михальская Н. П. Оповідання Редьярда Кіплінга // Кіплінг Р. Місто страшної ночі. — Київ: Дніпро, 1979.

Михальская Н. П. Вальтер Скотт и его роман «Айвенго» // Скотт В. Айвенго. — М.: Детская лит., 1980. (Библиотека мировой литературы для детей).

Михальская Н. П. «Ярмарка тщеславия» У. М. Теккерея // Теккерей У. М. Ярмарка тщеславия. — М.: Худ. лит., 1983.

Михальская Н. П. Шарлота Бронте. Роман «Городок» // Бронте Ш. Городок. — М.: Худ. лит., 1983.

Михальская Н. П. Роман Диккенса «Записки Пиквикского клуба» // Диккенс Ч. Собр. соч. в 10-и т. — М.: Худ. лит., 1983. — Т. 1.

Михальская Н. П. Роман Диккенса «Домби и сын» // Диккенс Ч. Собр. соч.: В 10 т. — М.: Худ. лит., 1984. — Т. 5.

Михальская Н. П. Роман Диккенса «Дэвид Копперфилд» // Диккенс Ч. Собр. соч.: В 10 т. — М.: Худ. лит., 1984. — Т. 6.

Михальская Н. П. Джордж Мередит и его роман «Испытание Ричарда Феверела» // Мередит Д. Испытание Ричарда Феверела. — М.: Худ. лит., 1984.

Михальская Н. П. Роман В. Каннинга «Проходная пешка» // Неман. 1984. № 9.

Михальская Н. П. Романы Диккенса «Тяжелые времена» и «Большие надежды» // Диккенс Ч. Собр. соч.: В 10 т. — М.: Худ. лит., 1985. — Т. 8.

Михальская Н. П. Книга Кэтрин Дюпре о жизни Джона Голсуорси // Дюпре К. Джон Голсуорси. — М.: Радуга, 1986.

Михальская Н. П. Герберт Уэллс: фантастика и реальность // Уэллс Г. Первые люди на Луне. — М.: Правда, 1986.

Михальская Н. П. Диккенс в России // Диккенс Ч. Собр. соч.: В 10 т.— М.: Худ. лит., 1987. — Т. 10.

Михальская Н. П. Роман Диккенса «Большие надежды» // Диккенс Ч. Большие надежды. — М.: Худ. лит., 1987.

Михальская Н. П. В мире Диккенса // Диккенс Ч. Домби и сын. — М.: Правда, 1988.

Михальская Н. П. «Нортенгернское аббатство» и «Менсфилд-парк» // Остин Д. Собр. соч.: В 3 т. — М.: Худ. лит., 1988. — Т. 2.

Демурова Н. М., Михальская Н. П. Комментарии // Остин Д. Собр. соч.: В 3 т. — М.: Худ. лит., 1988. — Т. 2.

Михальская Н. П. Дочь полковника // Олдингтон Р. Собр. соч.: В 4 т. — М.: Худ. лит., 1988. — Т. 2.

Михальская Н. П. На родине Томаса Гарди // Гарди Т. Под деревом зеленым. Возвращения на родину. — М.: Правда, 1989.

Михальская Н. П. Арнольд Беннет — романист // Беннет А. Повесть о старых женщинах. — М.: Худ. лит., 1989.

Михальская Н. П. Тайна английского замка // Кронин А. Замок Броуди. — М.: Правда, 1989.

Михальская Н. П. История Николаса Никльби и многих других // Диккенс Ч. Жизнь и приключения Николаса Никльби. — М.: Правда, 1989.

Михальская Н. П. Роман «Бремя страстей человеческих» Сомерсета Моэма // Моэм С. Бремя страстей человеческих. — М.: Правда, 1990.

Михальская Н. П. Третья сестра Бронте // Бронте Э. Агнесс Грей. Незнакомка из Уайлдфелл-холла. Стихотворения. — М.: Худ. лит., 1990.

Михальская Н. П. Ги де Мопассан: личность и творчество // Мопассан Г. Сильна как смерть. — М.: Правда, 1990.

Михальская Н. П. Художественный историзм Бальзака // Бальзак О. Шуаны. Философские этюды. — М.: Правда, 1990.

Михальская Н. П. Ноттингемский космос Д. Г. Лоуренса // Лоуренс Д. Г. Сыновья и любовники. — М.: Худ. лит., 1991.

Михальская Н. П. Диалогия Брейна о Джо Лемптоне // Брейн Д. Путь наверх. Жизнь наверху. — М.: Правда, 1991.

Михальская Н. П. Два романа Кронина // Кронин А. Цитадель. Вычеркнутый из жизни. — М.: Правда, 1991.

Михальская Н. П. Д. Г. Лоуренс: роман и чувство // Лоуренс Д. Г. Сыновья и любовники. — М.: Правда, 1991.

Михальская Н. П. История одной карьеры // Теккерей У. М. Записки Барри Линдона. — М.: Худ. лит., 1992.

Михальская Н. П. О сонетах Шекспира // Шекспир У. Сонеты. — М., 2000.

Михальская Н. П. Джек Лондон: «вдохновенный реализм» // Лондон Д. Мартин Иден. Дочь снегов. — М.: ЭКСМО, 2003.

Михальская Н. П. Уильям Сомерсет Моэм: о превратностях судьбы и тайнах природы человеческой // Моэм С. Маг. Романы, пьеса, Рассказы. — М.: ЭКСМО, 2003.

Михальская Н. П. Д. Г. Лоуренс: роман и чувство // Лоуренс Д. Г. Сыновья и любовники. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

Избранные статьи

Михальская Н. П. Иван Вазов и русская литература // Славянская филология. — М.: МГУ, 1953.

Михальская Н. П. Зарубежная литература XIX века в оценке Л. Н. Толстого // Уч. зап. МГПИ, т. LXXXVI. — М.: МГПИ, 1954.

Михальская Н. П. Паисий Хилендарский // БСЭ. 2-е изд. — М.: СЭ, 1955. — Т. 31.

Михальская Н. П. Вальтер Скотт // Литература в школе. 1957. № 4.

Михальская Н. П. Софроний Врачанский // БСЭ. 2-е изд.— М.: СЭ, 1957. — Т. 40.

Михальская Н. П. Роман Ч. Диккенса «Большие ожидания» // Уч. зап. МГПИ, т. СXXX.— М.: МГПИ, 1958.

Михальская Н. П. Диккенс в оценке современной прогрессивной критики // Уч. зап. МГПИ, т. СXXX.— М.: МГПИ, 1958.

Михальская Н. П. Славейков Петко // БСЭ. 2-е изд.— М.: СЭ, 1959. — Т. 39.

Михальская Н. П. Чапек К. «Война с саламандрами» // В мире книг. 1961. № 3.

Михальская Н. П. Романы Вирджинии Вулф // Уч. зап. МГПИ, т. 218. — М.: МГПИ, 1964.

Михальская Н. П. Литературно-критические взгляды Вирджинии Вулф // Уч. зап. МГПИ, т. 245.— М.: МГПИ, 1966.

Михальская Н. П. Антивоенный роман Ричарда Олдингтона «Смерть героя» // Уч. зап. МГПИ. № 203. — М.: МГПИ, 1967.

Михальская Н. П. Роман Д. Г. Лоуренса «Влюбленные женщины» // Уч. зап. МГПИ, т. 280. — М.: МГПИ, 1967.

Михальская Н. П. Теория романа в эстетике Д. Г. Лоуренса // Уч. зап. МГПИ, т. 280. — М.: МГПИ, 1967.

Михальская Н. П. «Улисс» Джеймса Джойса // Уч. зап. МГПИ, т. 304: Вопросы литературы. — М.: МГПИ, 1968.

Михальская Н. П. Фридрих Шиллер // Литература в школе. — М.: 1969. № 16.

Михальская Н. П. Эстетика Э. М. Форстера // Уч. зап. МГПИ, т. 385. — М.: МГПИ, 1970.

Михальская Н. П. Проблема героя и категория характера в работах Уэста, Кодуэлла и Джексона // Уч. зап. МГПИ, т. 382. — М.: МГПИ, 1970.

Михальская Н. П. «Шотландская тетрадь» Грэссика Гиббона // Уч. зап. МГПИ, т. 382. — М.: МГПИ, 1970.

Михальская Н. П. Эдвард Морган Форстер. К вопросу о своеобразии творческого метода писателя // Метод и жанр. Вып. 2. Зарубежная лит. — Вологда, 1970.

Михальская Н. П. Вальтер Скотт // Литература в школе. — 1971. — № 4.

Михальская Н. П. Великобритания: Литературоведение // БСЭ. Изд. 3.— М.: СЭ, 1971. — Т. 4.

Михальская Н. П. Вулф Вирджиния // БСЭ / Изд. 3. — М.: СЭ, 1971. — Т. 5.

Михальская Н. П. Два романа Вирджинии Вулф // Филологические науки. — 1972. — № 1.

Михальская Н. П. Н. Я. Дьяконова. Лондонские романтики и проблемы английского романтизма. Рецензия // Филологические науки. — 1972. — № 4.

Михальская Н. П. Некоторые вопросы теории романа в статьях и переписке Герберта Уэллса // Эстетические позиции и творческий метод писателя. — М.: МГПИ, 1972.

Михальская Н. П. Борис Иванович Пуришев // Филологические науки. — 1973. — № 4.

Михальская Н. П. Д. Г. Лоуренс: поэтика романа в ее отношении к живописи // Проблемы зарубежной литературы XIX–XX вв. — М.: МГПИ, 1974.

Михальская Н. П. Хогарт и английские романисты // Проблемы зарубежной литературы. — М.: МГПИ, 1975.

Михальская Н. П. Романы Д. Г. Лоуренса 20-х годов // Проблемы жанра и композиции в литературе Западной Европы и Америки. — М.: МГПИ, 1976.

Михальская Н. П. Творчество Э. М. Форстера в контексте литературного процесса в Англии новейшего времени // Филологические науки. — 1976. — № 3.

Михальская Н. П. Концепция человека и творческий метод писателя. Категория характера в эстетике Джойса и Голсуорси // Проблемы метода и жанра. — М.: МГПИ, 1977.

Михальская Н. П. Взаимодействие литературы и живописи в истории культуры Англии // Традиция в истории культуры. — М.: Наука, 1978.

Михальская Н. П. Концепция человека и жанровые структуры в творчестве Г.Уэллса // Проблема метода и жанра. Вып. 2. — М.: МГПИ, 1978.

Михальская Н. П. Нравственный идеал и система авторских оценок в романе Диккенса «Домби и сын» // Филологические науки. — 1978. — № 5.

Михальская Н. П. «Аспекты романа» Э. М. Форстера // Литературная теория и художественное творчество. — М.: МГПИ, 1979.

Михальская Н. П. Проблема идеала в романе «Нортенгернское аббатство» Д. Остин // Эстетический идеал и художественный образ. — М.: МГПИ, 1979.

Михальская Н. П. Рассказы в художественной системе Э. М. Форстера // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. Вып. 3.— М.: МГПИ, 1979.

Михальская Н. П. Лев Толстой-переводчик Мопассана // Художественный перевод с русского на романские языки и с романских на русский. — Милан, 1979.

Михальская Н. П. Трилогия Дорис Лессинг «Дети насилия» // Проблемы метода и жанра. — М.: МГПИ, 1983.

Михальская Н. П., Луков Вл. А. [Рец. на изд.:] История всемирной литературы. Т. 1–3. — М.: Наука, 1983–1985 // Филологические науки. — 1986. — № 4.

Михальская Н. П. Чарлз Сноу // Английская литература. XX век. — Киев: Вища школа, 1987.

Михальская Н. П. Чарлз Диккенс // Литература в школе. — 1987. — № 1.

Михальская Н. П., Луков Вл. А. [Рец на кн.:] Н. А.Соловьева. У истоков английского романтизма. Изд-во МГУ, 1988 // Филологические науки. — 1989. — № 5.

Михальская Н. П. Литература Запада в эстетических воззрениях Белинского: Диккенс // В. Г. Белинский и литература Запада. — М.: Наука, 1990.

Михальская Н. П. Всеобщая литература как предмет школьного преподавания // Наука и школа. — 1996. — № 1.

Михальская Н. П. Уроки мировой художественной культуры // Искусство в школе. — 1997. — № 1.

Михальская Н. П. Англичанин в русской литературе XIX–XX вв. // Русский язык, культура, история. Сб. материалов II научн. конф. лингвистов, литературоведов, фольклористов. Часть 1. — М.: МПГУ, 1997.

Михальская Н. П. Аристотелевское определение трагедии в восприятии английских писателей XIX века // *Anglistica*. Сб. статей по литературе и культуре Великобритании. Вып. 4. — М.: МПГУ, 1998.

Михальская Н. П. Эволюция европейского романа в освещении П. Д. Боборыкина // X Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры: Сб. статей и материалов (т. 1) / Отв. ред. Вл. А. Луков. — М.: МПГУ, 1998.

Михальская Н. П. Литература и живопись. Обзоры Д. В. Григоровича Лондонских выставок 1862 г. // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Гуманитарные науки / Отв. ред. Вл. А. Луков. — М.: Прометей, 1998.

Михальская Н. П. Лев Толстой-переводчик Мопассана // Филологические науки. — 2004. — № 1.

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ: ТЕЗАУРУСНЫЙ МАСШТАБ
(Трыков В. П. История зарубежной журналистики: От истоков до
Второй мировой войны / Отв. ред. Вл. А. Луков. — М.: Инфомедиа
Паблшерз, 2007. — 440 с.)

Учебное пособие профессора кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета В. П. Трыкова «История зарубежной журналистики: от истоков до Второй мировой войны», изданное в 2007 г. московским издательством «Инфомедиа Паблшерз», — первая в нашей стране «История зарубежной журналистики», охватывающая длительный период от истоков до середины XX столетия.

В книге собран и систематизирован обширный материал, дан анализ важнейших тенденций развития западной журналистики на протяжении нескольких столетий, представлена характеристика наиболее значительных периодических изданий, рассказано о рождении информационных агентств, радио и телевидения. На страницах учебного пособия освещены такие вопросы, как возникновение цензуры и борьба за свободу прессы на Западе, изменение статуса журналистов и становление их профессионального самосознания, взаимоотношения журналистики и власти, взаимодействие тезаурусов журналистики и литературы. В пособии отражен журналистский аспект творческой деятельности таких крупных зарубежных писателей, как Ч. Диккенс, У.М. Теккерей, Г. Гейне, Э. Золя, М. Твен, М. Пруст, что делает книгу интересной и полезной не только для студентов факультетов журналистики, но и для будущих филологов, для всех, кто интересуется историей западной культуры.

Обзорные разделы пособия удачно сочетаются с персоналиями, с описанием вклада отдельных западных журналистов, издателей, организаторов СМИ в развитие зарубежной журналистики. Живо и интересно рассказано о Т. Ренодо, Э. де Жирардене, Т. Барнсе, Дж. А. Сала, А. Хармсворте, Дж. Пулитцере, У. Р. Херсте и др.

Журналистика представлена как органичная часть культуры Западной Европы и Америки, явления западной журналистики рассматриваются в культурном, историческом и социально-политическом контекстах.

В конце каждого раздела предложена продуманная система вопросов и заданий, имеющих целью активизировать самостоятельную работу студентов. Той же цели служит раздел «Материалы и документы для самостоятельной работы», в котором помещены отрывки не только из публицистических работ известных журналистов и литераторов (Д. Мильтона, Дж. Лильберна, Дж. Аддисона, Р. Стила, О. Бальзака и др.), но также фрагменты трудов современных западных исследователей, посвященных проблемам теории и истории журналистики и СМИ (М. Маклюэна, П. Шампаня, К. Куле, М. Хоркхаймера и Т. Адорно, К. Шарля и др.).

Пособие прекрасно иллюстрировано, что в равной мере является достижением автора и издательства. В результате возникло учебное пособие нового типа: иллюстрированный учебник для вуза.

Книга В. П. Трыкова — несомненная удача автора, а ее выход в свет — хорошая новость для студентов.

СОДЕРЖАНИЕ

Луков Вал. А. Трактовка тезауруса в науках о культуре и обществе... 3

Сафарян А. В. Стили жизни как устойчиво воспроизводимые образцы поведения молодежи... 6

Захаров Н. В. Рецепция Шекспира в тезаурусе Жуковского...24

Иванов А. Н. Сельма Лагерлёф в русской культуре...29

Луков Вл. А. Литературный портрет ученого: Нина Павловна Михальская... 41

Луков М. В. История журналистики: тезаурусный масштаб... 65

Сведения об авторах:

Захаров Николай Владимирович — кандидат филологических наук, доктор философии (PhD), ученый секретарь — ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований МосГУ, академик МАН (IAS, Инсбрук).

Иванов Александр Николаевич — преподаватель русского и шведского языков (Стокгольм, Швеция), аспирант кафедры культурологии МосГУ.

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, проректор МосГУ по научной и издательской работе — директор Института гуманитарных исследований МосГУ, заслуженный деятель науки РФ, академик-секретарь РС МАН (IAS, Инсбрук), академик МАНПО, почетный профессор МосГУ.

Луков Владимир Андреевич — доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра теории и истории культуры Института гуманитарных исследований МосГУ, заслуженный деятель науки РФ, академик МАН (IAS, Инсбрук), академик-секретарь МАНПО.

Луков Михаил Владимирович — кандидат философских наук, доцент Гуманитарного института телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина.

Сафарян Арег Вартанович — аспирант кафедры социологии Московского гуманитарного университета.

Научное издание

**ТЕЗАУРУСНЫЙ АНАЛИЗ
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

Сборник научных трудов

Выпуск 15

Под общей редакцией профессора Вл. А. Лукова

Издательство Московского гуманитарного университета

Печатно-множительное бюро

Подписано в печать 28.04.2008 г. Формат 60X84 1/16

Усл. печ. л. 4,4

Тираж 100 Заказ № 980

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1